

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ.

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ

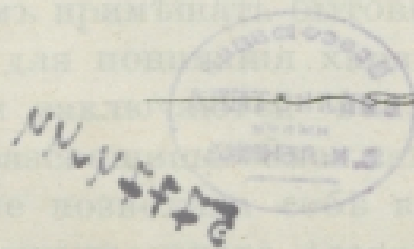
Т. Толычевой.

Мнѣ кажется, что форма, употребляемая мной для изложения исторіи 12-го года, удовлетворить потребности публики, посвящаема я посвящаю мой трудъ, т. е. исторію, описанную въ этомъ разсказѣ, и публиковать въ журналѣ, посвященномъ слушателямъ, то есть читателямъ, и потому моимъ читателямъ. Къ частно-историческимъ событіямъ я сочла нужнымъ прибавить подробныя подробности, необходимыя для повѣствованія исторіи эпохи. Подробно-сти эти подробности, въ особенности, принадлежатъ моему разсказу, и потому я не могу не указать на единичныя выходящія изъ словъ. Событія исторіи описаны въ 1871 году въ 7-мъ изданіи М. Доржидова описанной. Видно, что 12-го года, исторію, описанную въ этомъ разсказѣ, не надо считать за выходящую изъ словъ. Не надо считать за выходящую изъ словъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Елизаветѣ Есграфовнѣ

НОВОСИЛЬЦОВОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).

на Сретенскомъ бульварѣ.

1878.

2

Т. Толышев.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Самому Великому

НОВОСЛАВЦУ

5777444

Дозволено цензурой. Москва. 7 марта 1878 г.

МОСКВА

В типографии Товарищества И.И. Невзлина

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ

о 12-мъ годѣ.

Мнѣ кажется, что форма, избранная мной для изложенія исторіи 12-го года, удовлетворить потребностямъ публики, которой я посвящаю мой трудъ, т.-е. дѣтей и народа. Старушка рассказываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ своимъ слушателямъ то что могло бы затруднить моихъ читателей. Къ чисто-историческимъ событіямъ я сочла нужнымъ примѣшать бытовья подробности, необходимыя для пониманія характера эпохи. Подробности эти заключаются въ личныхъ похожденіяхъ моей разскащицы. Она сама—лицо вымышленное, но я не позволила себѣ вложить въ ея уста единого вымышленнаго слова. Собирая рассказы очевидцевъ о 12-мъ годѣ, мнѣ пришлось слышать много интересныхъ эпизодовъ, которые, по своей отрывочности, не нашли мѣста въ моемъ изданіи.

Славная старушка Федосья Семеновна, честная и умная, и всякаго найдетъ добрымъ словомъ. Жила она смолоду въ господскомъ домѣ. Покойная барыня ее крестила, воспитала и держала при себѣ. А пришло время—выдала замужъ и повѣрила ей все домашнее хозяйство. Федосья Семеновна жила съ мужемъ хорошо, да недолго. Онъ умеръ и оставилъ ей сына, мать воспитала его въ благочестіи. Управляетъ онъ теперь всѣмъ господскимъ имѣніемъ и старушка живетъ у него будто бы на покой. Да только слава что покой: Федосья Семеновна не любитъ сидѣть руки сложа: и скотный и птичный дворъ,—все подъ ея вѣдѣніемъ; она же занимается вареньемъ, соленьемъ, сушеньемъ грибовъ и ягодъ. Мастерница она тоже за больными ходить и знаетъ, какое лѣкарство отъ какой болѣзни пригодно. Занеможетъ ли кто на сель, сейчасъ къ ней прибѣгутъ. Она запасется всѣмъ нужнымъ, пойдетъ къ больному—и какъ рукой сниметъ недугъ. За то ужъ какой ей почетъ въ околоткѣ, и какъ ее всѣ любятъ! И молильщиковъ за нее много.

Любо-дорого на нее взглянуть, даромъ что давно пошелъ ей восьмой десятокъ: здоровая, живая и ве-

села, не хуже молодой бабенки. Много видѣла, многое слышала она на своемъ вѣку, многое читала, потому что барыня выучила ее грамотѣ. Федосья Семеновна любитъ потолковать о быломъ. Частехонько по зимнимъ вечерамъ собираются къ ней поселяне и слушаютъ ея рассказы. Усядутся около нея со своими работами и коротаютъ длинный вечеръ.

Сошлись какъ-то къ ней обычные гости послѣднимъ рождественскимъ постомъ, и сказала имъ старушка: „Ужь и не придумаю право, дѣтки, чѣмъ васъ сегодня потѣшить. Вы, я чай, знаете всѣ мои сказки и всѣ быliny“.

Сидѣлъ около нея молодой парень, да чинилъ стѣти, и говорить онъ:

— Федосья Семеновна, рассказали бы вы какъ Москва была въ полонѣ у Французовъ. Говорили вы намъ кой-что объ этомъ времени, а намъ бы хотѣлось все сподрядъ послушать. Вѣдь вы небось про это знаете?

— Какъ не знать, говорить старушка:—коли охота васъ разбираетъ слушать, я вамъ пожалуй расскажу.

Она задумалась, вывязала цѣлую спицу начатаго чулка и приступила къ разсказу.

„Началась-то война съ Французомъ совсѣмъ непутно. Ужь водится такъ сповонѣ вѣна, что если царь задумалъ походы на другаго, такъ велитъ его сперва предупредить, „что я молъ на тебя иду“; потому одни разбойники нападаютъ врасплохъ на добрыхъ людей. Да этотъ Бонапартъ и былъ настоящій разбойникъ! Не думали мы, не гадали, а онъ собралъ рать, да и двинулся на насъ, не сказавъ худаго слова.

Вѣдь тогда не то было что теперь, не скоро доходили вѣсти издалека. Бонапартъ успѣлъ уже совсѣмъ къ нашей границѣ подойти, когда покойный

императоръ Александръ Павловичъ объ этомъ узналъ. Отправилъ онъ къ нему сейчасъ посла: „Зачѣмъ, дескать, ты на насъ идешь? За что хочешь проливать кровь христіанскую?“ Да нешто разбойника-то усо-вѣстишь!

Переправился онъ черезъ рѣку Нѣманъ подь самой Вильной,—а Нѣманъ былъ тогда рѣсской границей,— да и пошелъ злодѣй по витебской дорогѣ. Было это въ началѣ іюня 1812 года.

На нашу бѣду были мы тогда въ войнѣ съ Турками, такъ что врага со всѣхъ сторонъ. Арміей той, что въ Турціи была, командовалъ князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ. Помогъ ему Богъ разбить бусурманъ и заключить миръ въ ту самую минуту какъ къ намъ пожаловалъ Наполеонъ. Пока еще не дошла до насъ вѣсть про этотъ миръ, что толковъ, что страху было! Такъ всѣ и говорили: „либо съ Туркомъ бороться, либо Француза отражать!“ А вель съ собой Бонапартъ силу несмѣтную, цѣлыхъ полмилліона войска. Кромѣ своихъ мало ли съ нимъ другихъ народовъ шло. И въ церквахъ читають, какъ благодарственный молебенъ служить о Рождествѣ, за избавленіе отъ наполеоновской силы, что было на насъ нашествіе двенадцати языковъ. Однихъ Нѣмцевъ 300,000 было. Вѣдь мы только наладили, что Французъ да Французъ, а Французовъ-то у него было всего тысячъ сто. Главная сила— Нѣмцы, а тамъ всякій сбродъ. Былъ онъ, Бонапартъ, не царскій сынъ, а вышелъ въ люди. Захватилъ власть, да и вѣнчался французскимъ императоромъ. Военное дѣло зналъ онъ хорошо, много покорилъ разныхъ народовъ, да и повелъ ихъ на насъ.

Покойный императоръ былъ въ Смоленскѣ, когда получилъ вѣсть о заключеніи мира съ Турками. Въ ту же

минуту написалъ онъ о томъ московскому генераль-губернатору графу Федору Васильевичу Ростовичу и приказалъ, чтобъ его въ Москву ждали. Ну, тутъ все приободрились! И высыпалъ народъ съ утра къ Доргомиловской заставѣ—встрѣчать царя.

Ждали его напрасно до вечера. Не терпѣлось ему узнать про матушку Москву и приказалъ онъ, чтобы къ нему выѣхалъ на послѣднюю станцію села Перкушково генераль-губернаторъ. Протоковали они вмѣстѣ цѣлый день, такъ что царь въ Москву выѣхалъ въ глубокую ночь, когда народъ уже разошелся.

На Поклонной горѣ, подь самой Москвой, ждали царя съ хлѣбомъ солью крестьяне села Филя. Принадлежало оно въ старину его прабабушкѣ. *) Во главѣ толпы стоялъ священникъ съ крестомъ и дьяконъ съ зажженною свѣчой. Какъ завидѣлъ ихъ царь, приказалъ остановить коляску, вышелъ, положилъ земной поклонъ и приложился ко кресту. Все замѣтили, что на немъ лица не было; знать чуяло его сердце, что много русской крови прольется. Священникъ подаль ему крестъ и промовилъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“.

Поѣхалъ царь не въ свой Кремлевскій, а въ Слободскій дворецъ, что въ Лефортовѣ; тамъ и почевалъ. А на другой день разнесся по городу слухъ, что все городскіе чины собираются въ кремль встрѣчать государя. Народъ хлынулъ въ кремль. Такая собралась толпа, что некуда было яблоку упасть. Какъ показался царь, такъ загудѣли колокола и заревѣлъ народъ со всѣхъ сторонъ: „Отецъ нашъ! веди насъ на супостатовъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!“

*) Царейъ Наталѣ Кирилловѣ, матери Петра Великаго.

Онъ кланялся вправо и влево и не могъ за тѣсно-
той пробраться до Успенскаго собора. Хотѣла по-
лиція отгонять народъ, а онъ не приказалъ: „не тро-
нуйте ихъ, говорить, я пройду“. Пока онъ служилъ молебенъ
и прикладывался къ мощамъ святителей, генераль-гу-
бернаторъ приказалъ наскоро выстроить подмости
отъ собора до Краснаго крыльца, чтобы могъ онъ
дойти свободно во дворецъ.

Дня черезъ два, 15 іюля, въ самый день святаго
равноапостольнаго Владиміра, по распоряженію гене-
раль-губернатора съѣхались въ Слободскій дворецъ
дворяне и купцы. Царь держалъ имъ рѣчь и говорилъ,
что на нихъ надѣется и что всѣ должны стоять крѣпко
за Россію. Купцы тутъ же объявили, что будетъ
отъ нихъ денежное пожертвованіе и открыли под-
писку, а дворяне вызвались составить изъ себя опол-
ченіе въ 80,000.

Значить, кто чѣмъ могъ, тѣмъ и послужилъ родной
землѣ. Очень доволенъ остался царь. Увидалъ, что
съ такимъ народомъ не пропадешь. И какъ уѣзжалъ
въ Петербургъ, обѣщалъ, что скоро опять посѣтитъ
Москву.

Старушка остановилась.

— Ну что жь, Федосья Семеновна? спросила, молодая
дѣвушка послѣ минутнаго молчанія.

— А то, дѣтушки, отвѣчала она, — что расходиться
пора. Вѣдь и не сказку какую вамъ теперь сказываю.
Тутъ надо чтобы было всякое лыбо въ строку; дайте
мнѣ припомнить да сообразить, а то какъ разъ со-
бьешся.

— Ну вѣтъ, Федосья Семеновна, отозвался молодой

парень,—ужь вамъ не сбиться! Какъ приметесь вы рассказывать словно по дѣсенкѣ идете.

Федосья Семеновна усмѣхнулась и отпустила гостей.

II ВЕЧЕРЪ.

Горькую годину пережили мы, дѣтушки! Давно ужь говорили въ народѣ, что надо ждать бѣды, потому что передъ тѣмъ временемъ явилась на небѣ большая звезда. По моему разумнію, бѣда пришла не отъ нея. Французъ самъ не себѣ, а звезда сама по себѣ. И радость ли, горе ли кому Господь сузилъ, всё ее видѣли одинаково. Да лишь въ народѣ такъ болтали, что будто звезда явилась передъ бѣдой. Какъ вечеръ, всё высунуть на нее смотрѣть и только головами покачиваютъ. А взглянуть на нее любо-дорого, такъ она красива была. Слово огненный снапъ на небѣ горитъ съ длиннымъ хвостомъ. Презвали ее Божіей метлой.

Арміи-то у насъ было хоть и не то что у Наполеона, а всё жь не мало: тысячь двѣсти подъ ружьемъ, да была она подѣлена на четыре части и стояла въ разныхъ мѣстахъ. Главное дѣло, теперь ей въ одно собраться, чтобы дружно отражать враговъ, а по частямъ какъ разъ разобьютъ.

Начальники двухъ нашихъ армій—князь Петръ Ивановичъ Багратионъ да Барклай-де-Толли, стояли какъ разъ одинъ влѣво, а другой вправо отъ Витебской дороги *), когда пошелъ по ней Наполеонъ, и получили

*) Барклай-де Толли стоялъ въ Виленской губерніи, а князь Багратионъ въ Гродно.

они каждый со своей стороны приказъ выводить на нее войска, чтобы преградить путь неприятелю.

Двинули они свои полки, а Наполеонъ выслалъ противъ нихъ крѣпкіе отряды, чтобы не могли наши сойтись, да чтобы разбить ихъ по одиночкѣ. Вѣдь онъ велъ съ собой столько войска, что его дробить могъ безъ опаски, зная, что не ослабитъ своей силы.

И пришлось нашимъ начальникамъ наткаться на каждомъ шагу на неприятеля. То забѣжитъ онъ впередъ, то нападетъ съ тыла. Слѣшили солдаты, время-то дорого, какъ бы часочка не прозѣвать, а тутъ еще отстрѣливайся съ той и другой стороны. Умаялись они совсѣмъ сердечные, а все отражали врага и все шли, шли, иной даже разъ по 40 верстъ въ сутки. Да видитъ князь Багратионъ: ничего не подѣлаешь, только понапрасну выбиваются они изъ силъ, не добраться имъ до Витебской дороги; и повернулъ онъ въ сторону къ Смоленску, да черезъ гонца далъ Барклаю о томъ знать, чтобы и онъ туда же подходилъ.

Подоспѣли обѣ арміи къ самому Смоленску въ одинъ и тотъ же день.

Начальники вѣхали въ городъ и держали между собой совѣтъ. Дѣло-то было неладное: двѣ арміи, два начальника, двѣ воли—значить пойдетъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Барклай-де-Толли въ былое время служилъ подъ начальствомъ князя Багратиона, а тутъ князь Багратионъ ему говоритъ: „Надо чтобы одна голова за всѣхъ отвѣчала. Прими ты команду надъ моей арміей и надо мною. Мнѣ, говорить, обидно не будетъ“!

Такъ вотъ, дѣтки, люди-то какіе были! Имъ не до себя, а лишь бы помочь Богъ супостата отразить. На томъ и порѣшили, что надъ обѣими арміями будетъ

начальникомъ Барклаю-де-Толли. И написалъ царю князь Багратионъ, что я молъ добровольно Барклаю-де-Толли подчинился.

А Наполеонъ какъ вступилъ въ Смоленскую губернію, да стали его солдаты грабить села, такъ ополчились всѣ жители: что дворяне, что крестьяне, и дворовые. Вооружились чѣмъ попало: косами, вилами и топорами; нападали на Наполеоновскіе отряды, убивали неприятелей или забирали ихъ въ плѣнъ. Многія даже бабы отличались.

И до сихъ поръ, а чай, не забыли старостиху Василису въ Сычевскомъ уѣздѣ. Нечего сказать, молодецъ была баба! Набрала она себѣ подѣ команду другихъ бабъ и ребятишекъ и ужъ не сробѣеть бывало передъ неприятелемъ. Приводили къ ней тоже плѣнныхъ, и поручали ихъ ей надзору. Да не по-христіански она съ ними обращалась, не тѣмъ будь помянута!

Разъ стала она ихъ дурными словами позорить; хоть и не знаютъ они нашего языка, а все жъ имъ въ домекъ, что она бранится, и обидно имъ стало. Одного даже кулакомъ ударила. Онъ не вытерпѣлъ, началъ обороняться, а Василиса выстрѣлила въ упоръ въ него изъ ружья. Знать она воевать умѣла, да слова Божии-то забыла. Идетъ на тебя вооруженный неприятель со своею силой, значить и ты на него со своею, а ужъ съ плѣннаго-то да съ обезоруженнаго что возьмешь? Коли крестъ у тебя на шеѣ, ты пожалѣешь его и приголубишь. Не даромъ говорить: „лежакаго не бьютъ“.

Была тоже баба Прасковья. Обидѣлъ ее Французъ, она его убила, нарядилась въ его мундиръ, и лишь на наши села нападутъ неприятели, она на нихъ вмѣстѣ съ крестьянами хаживала. Значить всѣ дружно за дѣло

принялись. Тоже и церкви помогали въ бѣдѣ: пожертвовали онѣ не мало денегъ изъ свѣчнаго сбора, и молились неусыпно о спасеніи родной земли.

Какъ сошлись наши арміи въ Смоленскъ, рѣшилъ Барклай-де-Толли, что можно теперь общими-то силами двинуться къ Витебску, на встрѣчу Наполеону, и повелъ на него войска. Ужь отошелъ онъ порядочно отъ города, да вдругъ Наполеонъ бросился въ сторону и пошелъ на Смоленскъ.

Вступилъ бы супостатъ въ него безъ боя полнымъ хозяиномъ, потому что главнокомандующій оставилъ тамъ лишь одинъ полкъ на всякій случай, да выручилъ генералъ Раевскій. Стоялъ онъ около Смоленска со своими молодцами и бросился въ городъ. Разставилъ пушки по стѣнамъ и сталъ ждать неприятеля. Подошли Французы, принялись стрѣлять по крѣпости. Войска-то у нихъ было 180.000, а у Раевского людей совсѣмъ мало. Стояли они крѣпко, да подмоги-то нѣтъ, и стало ужь ихъ горе разбирать: видятъ, что не отразить имъ такой напасти. Да прискакалъ гонецъ отъ князя Багратиона: наши войска молъ вернулись; лишь узналъ Барклай-де-Толли, что Наполеонъ поворотилъ на Смоленскъ. Значитъ Французъ нападалъ съ одной стороны, а наши подходили съ другой. И писалъ князь Багратионъ къ Раевскому: «Идемъ къ тебѣ на выручку! Держись! Богъ тебѣ помощникъ!»

Ободрились солдаты, какъ объявилъ имъ генералъ, что свои не далево, и стали обороняться послѣдними силами, да призывать Господа на помощь. Смоленскъ построенъ на горѣ: какъ увидѣли они съ высоты, что подымается пыль по дорогѣ и разбиваются родными знамена, словно, говорятъ, меду напиллисъ.

Наши полки вошли въ Смоленскъ, что на ширѣ ка-

кой, съ пѣснями да съ музыкой. Ударили они дружно на непріятеля и непріятель отступилъ. А нашимъ ребятамъ и отдохнуть порядкомъ не удалось: на другой же день, лишь взошло солнышко, сталъ Наполеонъ громить городъ. Столько побросалъ онъ въ него бомбы и ядеръ, что многія зданія загорѣлись. Лишь только распространился пожаръ, начали многіе жители выбираться изъ домовъ. Стоитъ Смоленскъ на Дибрѣ: горожане спасались по мосту за рѣку. Которые переносили туда свое добро, а матери дѣтей, которые несли больныхъ и стариковъ. Вездѣ раздавался стонъ да свистали бомбы. А пожаръ все разгорался, да разгорался. Какъ наступалъ вечеръ, адъ кипѣлъ въ городѣ. Стряслась вся эта бѣда наканунѣ Преображенія Спаса и въ церквахъ шли своимъ чередомъ всенощныя. Приближается огонь, а народъ все молится. Ужь развѣ который храмъ обхватить пламенемъ, такъ покинетъ его съ воплемъ толпа. Вдругъ раздался крикъ: „Спасайте икону Смоленской Божіей Матери!“ Вынесли изъ собора икону Заступницы и положили ее на пороховой ящикъ. А Французы все стрѣляли по ветхой крѣпости. Вѣдь Смоленскъ-то старый городъ, и въ иное мѣсто какъ ударитъ ядро, такъ и рухнетъ часть стѣны. Непріатели врывались въ проломы, а наши ихъ встрѣчали штыками да выстрѣлами. Увидѣлъ Наполеонъ, что Смоленскъ не достанется ему дешево, и велѣлъ бить отбой.

Цѣлые два дня дрались упорно, и Барклай-де-Толли рѣшилъ, что кровь не вода, жаль проливать ее даромъ и нечего больше отстаивать отъ Француза груды пепла да камня. Въ ночь получили войска приказъ отступать на московскую дорогу.

Они покинули городъ, перешли Дибрѣ по мосту и сожгли мостъ, чтобы непріятеля побились надъ пере-

правой. А лишь разсвѣло, на самое Преображеніе, въѣхалъ въ Смоленскъ Наполеонъ. Кажется, радоваться бы ему, что въ его рукахъ русскій городъ, а радоваться не пришлось. Съ нимъ провіанта было немного и лачинали его солдаты уже голодать; что награбить въ окрестныхъ селахъ, то и есть. Общались имъ Наполеонъ, что найдутъ они въ Смоленскѣ готовые квартиры, съѣстные запасы, да отъ похода отдохнуть. И дрались они храбро, нечего сказать, молодцы тоже были. Вотъ и Смоленскъ взяли, да что въ немъ проку—однѣ развалины. По улицамъ валяются трупы, дома тлѣютъ. Ни квартиръ, ни провіанта, а жители-то Смоленска вышли всѣ за нашей арміей и разбрелись по окрестностямъ².

III ВЕЧЕРЬ.

„Наше войско захватило съ собой раненыхъ. Какъ только вышли изъ города, начальники распорядились отправить ихъ въ Ярославскую губернію, гдѣ былъ бы за ними уходъ и попеченіе. Куда ни придутъ они на ночлегъ, вездѣ принимали ихъ со слезами и всякій радъ былъ послужить, чѣмъ могъ. Кто предлагалъ свою квартиру, кто приносилъ съѣстнаго.

Пріюмали наши солдатки какъ шли къ Москвѣ. Обидно имъ было отступать передъ Наполеономъ. „Что жъ, говорили, мы къ Москвѣ, а онъ за нами, значитъ мы ему путь открываемъ. Сами ведемъ его къ Бѣлокаменной. Легче бъ намъ сразиться съ нимъ да головушки въ бою сложить! О сю пору все лишь стычки да стычки, словно онъ надъ нами подтруниваетъ, а

мы отпору не дадимъ. Почитай что только въ Смоленскѣ было важное дѣло, да мы же теперь отступаемъ. А другіе даже прямо говорили: „вашъ начальникъ-то Нѣмецъ, не боится у него сердце по матушкѣ Россіи. Продастъ онъ насъ видно Бонапарту, что все только передъ нимъ отступаетъ“. И все въ одинъ голосъ твердили: Русакъ не ракъ, задомъ пятиться не любитъ. До того даже дошло, что когда на стоянкѣ выйдетъ главнокомандующій осматрѣть войска, да крикнетъ: „здорово ребята!“ ему ребята и не отзовутся: „здравія желаемъ!“ А роптали на него какъ есть даромъ.

Трудно ему было, пока не подоспѣло къ нему свѣжее войско, напасть на наполеоновскую силу. Опять же дать битву дѣло не легкое. Надо удобное выбрать мѣсто: не болотистое, не гористое, чтобы можно было войску на немъ держаться и пушки разставить. А что онъ былъ родомъ Нѣмецъ, то правда, да сызмала служилъ Россіи и былъ ей душой преданъ.

Чего не потерпѣлись наши солдаты, какъ шли изъ Смоленска! Лѣто стояло сухое и жара такая, что не вытерпишь. Приходилось идти подъ палящимъ солнцемъ. А пыль по дорогѣ подымалась словно облако надъ головами. Жажда тоже не мало мучила, потому что не вездѣ вода попадалась. Позволено было солдатамъ разговаривать и пѣсни пѣть, да было имъ не до разговора и не до пѣсень. Идутъ, молчать и потушить головы. А неприятель все нагоняетъ съ тыла и все завязываетъ перестрѣлку. Въ поляхъ стояли хлѣба—гдѣ въ снопы сжаты, гдѣ соевымъ и необраннымъ. И наши же полки топтали ихъ ногами. Сердце сжималось, что сами у себя хлѣбъ отымають, а дѣлать было

нечего, вѣдь армія идетъ—широко раскинется, ей пробитой дороги мало.

Куда войдутъ полки—въ село ли, въ городъ ли—встрѣчали ихъ жители съ плачемъ. Солдаты говорятъ: „Убирайтесь подальше, братцы, Французъ у насъ по пятамъ идетъ, идетъ на Москву красную и не оставитъ онъ на своемъ пути ни кола, ни двора: все разорить!“ А тѣ имъ въ отвѣтъ: не онъ разоритъ, сами разоримъ. „Верите, родимые, все, что вамъ пригодно, остальное огонь пожретъ, чтобы ничего разбойникамъ не досталось.“ И приносили имъ съѣстнаго, а иной разъ денегъ и рухляди какой.

А какъ уходили наши войска, жители убѣгали въ лѣса и уводили скотину, да какое могли добро забирали, а дома свои жгли. Много селъ тогда погорѣло да два города: Дорогобужъ и Вязьма.

Такъ прошло наше войско верстъ болѣе двухъ сотъ а остановилось недалеко отъ города Гжатска, въ селеніи Царево-Займище. Видѣлъ главнокомандующій, что дѣло плохо, что ужъ очень упали духомъ войска и рѣшился осмотрѣть мѣсто. Хотѣлъ онъ, коли окажется оно удобнымъ, все приготовить и ждать тутъ Наполеона, да вступить съ нимъ въ битву.

Тѣмъ временемъ шли со всѣхъ сторонъ приготовления для отраженія врага. Была объявлена сильная пресильная рекрутчина; кромѣ того 17 губерній ополчились. Армію снабжали всѣмъ нужнымъ. Изъ городовъ высылали въ села муку, и приказано было крестьянамъ печь изъ нея хлѣбы, да сушить сухари для арміи. Готовили лошадей и телѣги для перевозки раненыхъ. Въ Петербургѣ все кипѣло, потому что Наполеонъ могъ и туда забраться. Не дошелъ онъ еще до Смоленска, когда отправилъ отрядъ на петербургскую

дорогу. И противъ этого отряда былъ высланъ русскій корпусъ заграждать ему путь. А на всякій случай вывозили изъ Петербурга въ Казань казну и всѣ сокровища.

Какъ составилось петербургское ополченіе, да надо было назначить ему начальника, такъ все дворянство потребовало Михаила Иларіоновича Кутузова. Онъ недавно вернулся изъ Турціи, послѣ заключенія мира.

До царя уже доходили слухи, что войско и народъ сильно ропщеть на Барклая. Самъ царь на него крѣпко надѣялся. А все жъ увидалъ, что оставлять его главнокомандующимъ не можетъ. Потому надо, чтобы солдатъ весело за начальникомъ шель, и всякое довѣріе къ нему имѣлъ.

Когда князь Кутузовъ получилъ начальство надъ петербургскимъ ополченіемъ, государь назначилъ его также главнокомандующимъ надъ всѣмъ войскомъ. И написалъ о томъ Барклаю самое милостивое письмо, гдѣ объяснилъ, почему его смѣняетъ. Барклай получилъ царское письмо пова стоялъ въ Царевѣ-Займищѣ и тому не обидѣлся, что отнята у него команда надъ арміей. „Лишь то, говорить, мнѣ горько, что не довѣряетъ мнѣ русскій народъ, а Россія мнѣ та же родина, и радъ я ей послужить хоть простымъ солдатомъ“.

Князь же Кутузовъ, лишь только его назначили, отправился въ Казанскій соборъ молебень служить. Да послѣ молебна, какъ подходилъ ко кресту, такъ сказалъ священнику: „Помолитесь, говорить за меня, батюшка, на меня возложено великое дѣло!“ И тутъ же снарядился въ путь.

Вѣдь тогда чугушки-то не было, такъ что ѣхалъ онъ въ каретѣ. Что въ войскѣ, что въ народѣ бы-

ло уже извѣстно его назначеніе. Солдаты не разъ ходили съ нимъ въ огонь и любили его. Какъ узнали они, что онъ будетъ ими командовать, такъ завелась у нихъ поговорка: „ѣдетъ Кутузовъ бить Французовъ!“ И въ народѣ его тоже знали по солдатскимъ рассказамъ. Куда присвачетъ передовой заказывать лошадей подъ князеву карету, тамъ выходили къ нему поселане на встрѣчу. И на дорогѣ ждали его цѣлыя толпы. По обѣимъ сторонамъ на колѣнахъ стояли тутъ старики и бабы, которыя съ дѣтьми на рукахъ. Только онъ ѣхалъ мимо, не останавливался и лишь изъ кареты кланялся вправо и влево. А ему кричали вслѣдъ: „Поспѣшай, нашъ отецъ, избави насъ отъ супостата!“ Ѣхалъ князь, силъ не жалѣлъ, день и ночь. Верстахъ въ пяти отъ Гжатска ждали его горожане. Живо отстегнули его лошадей, сами впряглись въ карету и довели ее до своего города. Тамъ князь кой-чѣмъ распорядился и поѣхалъ къ Цареву-Займищу.

Михаилу Иларіоновичу было тогда лѣтъ семьдесятъ. Онъ былъ кривъ. Пуля прострѣлила ему глазъ. Росту былъ онъ невысокаго, сѣдъ, а смотрѣлъ еще молодцомъ. Покойный баринъ рассказывалъ, что въѣхалъ онъ въ нашъ лагерь верхомъ: былъ на немъ мундирный сюртукъ безъ эполетъ, бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ; черезъ одно плечо шарфъ, черезъ другое ремень съ нагайкой. Какъ завидѣло его войско, такъ и грянуло ему: „ура!“ Любилъ онъ съ солдатами шутить, и такой ужъ былъ простой! Пріѣдетъ бывало на смотръ, а за нимъ адъютантъ везетъ деревянную скамейку. Какъ устанетъ князь, такъ слѣзетъ съ коня и сядетъ на нее, а кругомъ стоятъ генералы и слушаютъ его приказанія. Осмотрѣлъ онъ

сейчасъ Царево-Займище. „Это мѣсто, говоритъ, для битвы не годится; надо отойти еще подальше“. И отошли къ селу Бородину, да тутъ и остановились. Течуть около Бородинскаго поля дваручья, да двѣ рѣчки: Колоча, Война, Огникъ и Стонецъ. Знать чуяли изстари люди, что будетъ тутъ большое кровопролитіе, коли прозвали ихъ такими именами“.

— Эхъ, дѣтушки, заключила Федосья Семеновна, складывая работу, — какъ пробилъ онъ, Бородинскій-то часъ, знать услыхалъ его Господь Богъ и угодно Ему стало отмѣтить его слезами да кровью.

IV ВЕЧЕРЪ.

„Не думали, не гадали бородинскіе да окрестные крестьяне, что грядетъ на нихъ такая бѣда, какъ вдругъ прискакали передовые нашей арміи и стали вымѣрять поле. Что-то чертятъ на бумагѣ; значить планъ снимаютъ. Стали крестьяне ихъ спрашивать: „Что, мошь, дѣлаете?“ Они говорятъ: „убирайтесь по-добру по-здорову! Потому свѣтлѣйшій князь Кутузовъ задумалъ здѣсь сраженіе Наполеону дать, и придется вамъ плохо!“ А крестьяне говорятъ: „Куда же мы пойдемъ? Ужь лучше останемся на власть Господню. Авось свои-то насъ не обидятъ“. Офицеры, что съ солдатами пришли, все ихъ гонять. „Не свои, говорятъ, обидятъ, а пули да ядра обидятъ!“ Всякому горько было свое родимое гнѣздо на разореніе покидать, да по крайности думаютъ: „хоть головы спасемъ!“ И стали все свое добро на юза увладывать. Скотинку за собой угнали, да и выѣхали всѣмъ миромъ. Изъ окрестныхъ селъ то-

же убираться стали, кто куда. Иные по цѣлымъ недѣлямъ въ лѣсахъ жили. У насъ вѣдь тоже не подалеку имѣніе было: и наши выѣхали, и много всѣхъ натерпѣлись. А русская армія подошла къ Бородину и стояла здѣсь еще цѣлыхъ 4 дня до Бородинской битвы.

Какъ сняли планы и осмотрѣлъ князь мѣсто, такъ сталъ онъ готовиться къ битвѣ. Въ это самое время подоспѣли къ нему московское и смоленское ополченія. Многіе прѣзжали въ бричкахъ, а надъ бричками образочки прикрѣплены. Значить прѣзжали ратники съ послѣднимъ благословеніемъ изъ родительскаго дома. Все наше войско подѣлилъ Кутузовъ на три части, кромѣ запасныхъ войскъ, что поодаль держалъ: одну часть въ средину поставилъ, одну справа, одну слѣва. По военному сказать: правое крыло да лѣвое. Правое крыло да срединку отдалъ онъ подъ команду Барклаю-де-Толли, а лѣвое крыло — князю Багратиону. Я и мѣста-то всѣ знаю, кто гдѣ стоялъ: Князь Багратионъ на холмѣ, — что прозывается Красной горкой, — за Красной горкой оврагъ, и разставилъ около него князь свои укрѣпленія по ту и по другую сторону. А Барклай-де-Толли стоялъ поодаль. На цѣлыхъ на 8 верстъ раскинулась наша армія. И сколько ни было деревень на этихъ восьми верстахъ, всѣ ихъ разорили, чтобы мѣсто очистить. Да еще примыкаетъ къ тому мѣсту, гдѣ разставлена была армія, деревня Шевардино. Съ этой стороны ждали Наполеона. И велѣлъ князь поставить тамъ на холмѣ батарею.

— А что такое батарея, Федосья Семеновна? спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Батарея, сказала старушка, — земляная насыпь. Ставятъ на нее пушки, да изъ-за насыпи солдаты стрѣ-

ляютъ, такъ что пушки ихъ заслоняютъ отъ непріятеля. Вотъ эта самая насыпь съ пушками и называется батареей. Съ самаго Смоленска Наполеонъ шелъ велѣдъ за нами. Онъ спалъ на стоянкѣ, когда разбудили его и доложили, что русская армія остановилась. Давно ему хотѣлось вступить съ нами въ большую битву.

Думалъ, что мы противъ него не устоимъ, что разобьетъ онъ насъ, возьметъ Москву и Россію покорить, какъ покорялъ всѣ другіе народы. Страхъ онъ обрадовался, когда услышалъ, что наше войско остановилось. Вскочилъ съ постели и крикнулъ: „Остановились, значить отдають сами Москву!“ Приказалъ онъ своимъ солдатамъ готовиться къ битвѣ и разставилъ тоже войско, какъ ему удобно было.

Остановились мы въ четвергъ на Бородинскомъ полѣ, а въ субботу Наполеонъ напалъ на нашу Шевардинскую батарею. Хотѣлъ онъ насъ съ этого мѣста отбить, чтобы стать на него самому. Только двинулъ онъ на Шевардинскій холмъ не всю свою армію, а одинъ лишь отрядъ. И изъ нашихъ одинъ отрядъ отражалъ. Завязалась перестрѣлка. То отобьютъ у насъ Французы Шевардинскій холмъ, то мы ихъ погонимъ назадъ и опять его возьмемъ. Вились нѣсколько часовъ, и легло съ обѣихъ сторонъ тысячъ шесть. Непріятели разъ совсѣмъ было отступили, да опять напали; а какъ настала ночь, князь приказалъ отступить, и Шевардино осталось въ рукахъ Французовъ.

— Зачѣмъ же, Федосья Семеновна, князь велѣлъ отступить? спросилъ молодой парень. — Вѣдь оно пожалуй обидно; словно наши испугались наполеоновскаго отряда!

— Пожалуй обижайся, сказала старушка; — жаль что

тебя, Алеша, свѣтлѣйшій не спросилъ. Да тебя-то не было, а онъ вишь совсѣмъ осрамился супротивъ Наполеона.

Всѣ разсмѣялись, а Федосья Семеновна стало жаль Алеша.

— Вотъ вы смѣетесь, сказала она,—и я надъ нимъ, грѣшный человекъ, подшутила; а коль на правду пошло, вѣдь онъ дѣло спросилъ; и то сказать, не потому жь приказалъ князь нашимъ отступить, что здорово живемъ, а отчего отступили, я вамъ скажу; вѣдь я объ этомъ дѣлѣ отъ покойнаго барина сколько разъ слышала. Страхъ какъ любила, когда онъ станеть бывало про сраженіе рассказывать. Вѣдь я смолоду какая бойкая была! Сколько разъ онъ говаривалъ: „кабы родилась она мальчишкой, такъ славный былъ бы солдатъ въ моемъ полку.“ Такъ вотъ онъ и объяснялъ, почему наши-то отступили. На этотъ самый Шевардинскій холмъ приказалъ наканунѣ князь пушекъ наставить, потому что Наполеонъ съ этой стороны подходилъ и чего добраго напалъ бы врасплохъ на нашу армію, пока мы еще не приготовились къ битвѣ. Онъ на Шевардино и накинудся, и не встрѣтъ онъ тутъ отпора, можетъ быть дальше на насъ бы надвинулся. Пока перестрѣлка-то шла, князь свое дѣло дѣлалъ: разставлялъ пушки, да копалъ окопы. А какъ окончили совсѣмъ съ укрѣпленіями, такъ велѣлъ бить отбой и отозвалъ наши полки. А укрѣпленія-то знаете что такое?

— Гдѣ намъ знать, Федосья Семеновна! отозвалась хорошенькая дѣвочка, Маша.—Скажете, такъ и будемъ знать.

— А вотъ когда настроить эти самыя батареи около одного мѣста, значить это мѣсто крѣпко будетъ и

не скоро его неприятель возьметъ. Потому и называется оно укрѣпленіемъ. Ну, а теперь слушайте дальше. На другой день все было тихо. Выстрѣла нигдѣ не послышалось: что русскіе, что Французы все у себя распорядились. Подъѣзжаетъ Наполеонъ къ Шевардинскому холму и спрашиваетъ: „Много ли Русскихъ вчера забрали въ плѣнъ?“ Ему сказали что нѣтъ плѣнныхъ, что Русскіе не сдаются. А онъ говоритъ: „Ну что жь, не сдаются, такъ мы ихъ перебьемъ!“

Князь Кутузовъ объѣзжалъ наше войско. Предъ каждымъ полкомъ онъ останавливался и говорилъ солдатамъ: „Завтра, молъ, битва; стойте крѣпко, дѣтушки, вѣдь Москва передъ вами!“ Солдаты вездѣ гремѣли въ отвѣтъ: „Ради стараться!“ А которые приговаривали: „Оглянемся на Москву, такъ на чорта подѣземъ.“ Икона Божіей Матери, что вывели мы изъ Смоленска, оставалась при нашемъ обозѣ, и велѣлъ князь обойти съ ней крестнымъ ходомъ все полки. Гдѣ ни проносили Матерь Божию, встрѣчали ее на колѣнахъ солдаты, и каждый полкъ служилъ ей молебень. А какую предсмертную молитву приносили они ей въ сердца, про то знаетъ лишь Заступница, да они сами.

Этимъ временемъ стоялъ князь на полѣ и что-то приказывалъ своимъ генераламъ. Какъ приблизился къ нему крестный ходъ, онъ пошелъ на встрѣчу иконѣ, положилъ предъ нею земный поклонъ и приложился. Въ ту самую минуту раздался около него крикъ: „орель! орель!“ Поднял голову Михаилъ Иларионовичъ и видитъ—надъ его сѣдою головой парить орель. Князь отдалъ первый ему честь и крикнулъ „ура!“ полки подхватили одинъ за другимъ; все загремѣли: „ура!“ и огласилась далеко окрестность.

Свечерѣло. Забродили облака по небу, поднялся вѣтеръ и призатихло предъ боемъ Бородинское поле. Изъ непріятельскаго лагеря долетали до насъ шумъ и голоса. Наполеонъ объѣзжалъ свое войско и кричали солдаты: „да здравствуетъ императоръ!“ А у насъ перекликались часовые, ржали кое-гдѣ лошади, да трещали тамъ и сямъ костры. Которые солдаты ужинъ себя варили и лишь изрѣдка перекидывались словомъ, которые чистили свои мундиры, да смѣняли бѣлье—значить на смерть себя готовили; а другіе стояли на козѣнахъ и молились. Какъ позвали ихъ по распоряженію начальства выпить по чаркѣ водки, такъ многіе отказались: „Благодаримъ, говорятъ, не къ тому приготовились!“ Темная настала ночь: всѣ улеглись, кто въ послѣдній разочекъ заснулъ, а кто можетъ и не забылся сномъ до утра. Таковъ былъ, дѣтушки, канунъ великой Бородинской битвы“.

В В Е Ч Е Р Ъ .

На другой день собрались всѣ рано около Федосьи Семеновны. Но старушка емотрѣла какъ-то не весело, визала свой чулокъ, а разказа не начинала.

— Ну что жъ вы, Федосья Семеновна? спросила молодая дѣвушка.—Вѣдь мы пришли послушать, какъ вы станете про Бородинское дѣло сказывать.

— Да! отозвалась Федосья Семеновна,—вамъ, молодежи, слушать-то любо, да можетъ намъ, старикамъ, вспоминать-то горько. Сегодня во всю ночь, какъ стану я заводить глаза, такъ мнѣ мерещатся всякія страсти: либо Москва передо мною горить, либо раненые около

меня бродить да стонуть. Видно, кто пережилъ двѣнадцатый годъ, тотъ его не забудетъ и на смертномъ одрѣ. А рассказать вамъ про него я расскажу, чтобы знали вы, какіе люди тогда были, да кого должна помянуть Россія, пока стоять будетъ.

„Лишь проглянуло солнышко въ самый день Владимірской Божіей Матери, *) загремѣли наполеоновскія пушки и Французы пошли стѣной на Багратионовское укрѣпленіе. Встрѣтили мы ихъ пушечною пальбой. Иные падали что подкошенные колосья, а которые на ногахъ оставались, шли впередъ, не робѣли. Шагу даже не убавляли, точно смерть имъ свой братъ. И все ближе къ нашимъ, да ближе. Не вытерпѣлъ князь Багратионъ, какъ ихъ увидалъ, залюбовался ими, разыгралось въ немъ солдатское сердце и крикнулъ онъ: „славно!“ Да и наши стояли молодцами, нечего сказать, не посрамили себя! Выхватывало ихъ цѣлыми рядами изъ строя; то и дѣло раздавался крикъ: „смыкайся!“ и не успѣютъ они самкнуться, а ужъ летать на нихъ опять, что саранча, гранаты да ядра.—Какъ подошли къ редуту Французы подъ нашимъ огнемъ, князь командовалъ: „въ штыки!“ и штыки засверкали; закипѣлъ рукопашный бой. Положатъ наши цѣлый рядъ неприятелей, за нимъ, какъ изъ земли, выростетъ другой. А снаряды своимъ чередомъ сыпятся градомъ. Вдругъ осколокъ гранаты ударилъ князя Багратиона въ колено и раздробилъ кость, а онъ и на конѣ не пошатнулся; одну думушку держалъ въ головѣ: какъ бы не выдали солдаты, что смерть за нимъ пришла. Хотѣлъ онъ одолѣть боль, да боль его одолевала. Потемнѣло у него въ глазахъ, и только успѣли снять

*) 26 августа

его съ сѣдла. Дрогнули солдаты, какъ унесли Багратиона съ поля битвы. Стояли они подъ картечью, не умирали, а отъ такой бѣды замерли въ нихъ сердца. Спутались, смѣшались мигомъ наши ряды, а Французы все налегаютъ и все прибываетъ къ нимъ свѣжая сила. Подались русскіе солдаты, отступили предъ напоромъ и перешли на ту сторону оврага: тамъ опять свое укрѣпленіе. А Французы ворвались на Красную горку.

— Князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ съ высоты холма слѣдилъ за сраженіемъ, и то и дѣло являлись къ нему гонцы съ донесеніемъ; прискакалъ одинъ: „Ваша свѣтлость, говоритъ, князь Багратионъ раненъ!“ Такъ и вскрикнулъ Кутузовъ. Приказалъ онъ, чтобы принялъ команду надъ багратионовскими укрѣпленіями генералъ Дохтуровъ. Молодецъ тоже былъ! Передъ Смоленскимъ-то дѣломъ крѣпко онъ занемогъ: еле на ногахъ стоялъ. А не отставалъ отъ Раевского. „Лучше говоритъ, я на полѣ битвы умру, а не на кровати!“

А Наполеонъ командовалъ своими съ Шевардинскаго холма. Не вспомнилъ онъ себя отъ радости, какъ увидалъ, что его солдаты отбили у насъ Красную горку. Онъ возилъ всегда при себѣ, въ сраженіяхъ, ящикъ съ крестами. Отворилъ онъ его, вынулъ цѣлую пригоршню крестовъ и послалъ своимъ храбрецамъ. А конница велѣлъ напасть на другую часть Багратионовскаго укрѣпленія, куда отступили наши съ Красной горки. Понеслась конница впередъ, а наши приняли ее въ штыки. Три раза нападали Французы, три раза ихъ отбивали. Послалъ къ нимъ Наполеонъ на подмогу свою гвардію. Она бросилась удалски къ нашимъ рядамъ. Князь Кутузовъ сидѣлъ тѣмъ временемъ

на своей скамеечкѣ. Когда увидалъ, что подскочила на помощь своимъ французская гвардія къ Багратионовскимъ укрѣпленіямъ, вскочилъ онъ на коня и приподнялся на стременахъ, чтобъ яснѣй разглядѣть съ высоты. Былъ Наполеонъ хитеръ, за то и нашъ князь, спасибо, не промахъ!

Какъ наша армія была подѣлена на трое, такъ и французская: середина, лѣвое крыло, да правое. Двинулось на Багратионовскія укрѣпленія правое. Да какъ подошла еще гвардія, князь приказалъ, чтобы мигомъ нѣсколько изъ нашихъ полковъ напали на лѣвое французское крыло. Такъ что съ одной стороны Французы напали на насъ, а мы на нихъ съ другой.

Французы не ждали нападенія на лѣвомъ крылѣ: видя въ Наполеонѣ, что смѣшались ихъ ряды, и вернулъ гвардію, чтобы пришла она къ нимъ на помощь. А этимъ временемъ Дохтуровъ со своими ребятами ударилъ на Французовъ. Да такъ ударилъ, что ужь куда они были не робки, а не выдержали—отступили.

Барклай командовалъ серединой и правымъ крыломъ нашего войска. Наполеонъ двигалъ на него полки за полками, а онъ ихъ отражалъ да отражалъ. То и дѣло обѣзжалъ свои ряды, да командовалъ: „Стой твердо, ребята!“ Пять лошадей были подъ нимъ убиты или ранены; какъ падеть одна, глядь, ужь онъ вскочилъ на другую и понесся опять, что вихрь полевой, все подъ ядрами, все подъ огнемъ. Тутъ поняли знать солдатки, что согрѣшили противъ него, что не измѣнникъ онъ Россіи! И къ какому ни подскочетъ онъ полку, такое загремитъ ему „ура“, что даже сквозь свистъ снарядовъ его слышно.

Нечего сказать, ужь стояли люди на Бородинскомъ

полѣ: кто кого смѣлѣй, кто кого удалѣй,—генераль Милорадовичъ, Раевскій, что отстаивалъ Смоленскъ, да мало ли еще кто! Про Милорадовича говаривалъ князь Кутузовъ, что онъ о двухъ головахъ. Лопаются около него гранаты подъ Бородинымъ, а онъ говоритъ: „проголодался я!“ да завтракъ велѣлъ себѣ подать, словно у Христа за пазухой сидитъ.

А генералу Раевскому далъ Барклай батарею подъ команду: стояла она около рва. Засыпали ее неприятельскіе снаряды. Валятся рядами лошади, валятся люди, ядра сбиваютъ пушки съ мѣсть, и тамъ разятъ, и здѣсь разятъ, адъ кромѣшный да и только, а все не сдаются Раевскій и его ребята. Пошли на нихъ Французы въ рукопашный бой,—они Французовъ сбросили въ ровъ. Да наша коса на камень: однихъ въ ровъ сбросили, ринулись на батарею другіе. И тѣхъ приняла въ штыки, и тѣ полетѣли въ ровъ. Обозлился Наполеонъ, какъ это увидалъ, и двинулъ еще новые полки на батарею Раевского. Напала на нее разомъ и пѣхота и конница; сила соломѣ ломить: одолѣлъ Французъ. Его пѣхота заняла батарею, а конница понеслась дальше. Летитъ безъ оглядки, да наткнулась на Барклая. Велъ онъ на нее своихъ ребятъ; немного ихъ осталось, да за то богатыри. Навалились они на Французовъ, стѣснили ихъ, погнали назадъ. Французскій командиръ послалъ гонца къ Наполеону на Шевардинскій курганъ просить подкрѣпленія: „Безъ того, говорить, Русскихъ намъ не одолѣть.“ Приздумался Наполеонъ, да потомъ и говоритъ: „Не дамъ своихъ послѣднихъ силъ; мы отъ Франціи отошли на 3000 верстъ.“

Такъ и отказалъ онъ послать въ дѣло свои запасныя войска; смекнулъ онъ знать, что сломимъ мы ему

рога: послѣднее то отдать, — какъ бы плохо потомъ не пришлось. Нахмурился онъ что осенній день; никакого даже приказанія не отдалъ. Отъ князя Кутузова тоже распоряженій было мало: видѣлъ онъ, что дѣло идетъ къ концу и отдалъ его на волю Божию. Сталъ помаленьку затихать пушечный гулъ, а тутъ и совсѣмъ замолкъ: кончился бой.

Цѣлыхъ пятнадцать часовъ бились, дѣтушки, бились не на животъ, а на смерть; цѣлыхъ 15 часовъ ходила смерть по Бородинскому полю, что хозяйинъ большакъ по дому. Выпустили на насъ Французы 80,000 ядеръ да гранатъ, да пожалуй и мы на нихъ столько же. Не видно было солнца сквозь дымъ, а земля стонала и дрожала словно живая. Верстъ за сто кругомъ раздавался пушечный гулъ, что раскаты грома; слышали его православные да молились. Кому жь Богъ далъ побѣду? Ни Французамъ ея не далъ, ни намъ. Что у насъ, что у нихъ тысячъ сорокъ человекъ леги костями въ этотъ день.

Да вотъ чѣмъ мы взяли: Наполеонъ-то былъ на чужбинѣ. Поубавится его войско, и пополнить его не чѣмъ; а мы-то дома и наше мѣсто свято: однихъ не стало, другіе найдутся! Страшно было взглянуть на Бородинское поле! Лежали на нихъ груды человѣческихъ и конныхъ труповъ и стонали раненые люди, а на пустыхъ мѣстахъ алѣла земля, что красное сукно. Какъ замолкла пальба, стали бродить по полю французскіе и наши солдаты, раненыхъ своихъ собирать; а у самихъ лица отъ дыма почернѣли, и струится по нимъ кровь.

Наступила ночь. Моросилъ дождь. Наполеонъ остался въ Шевардинѣ со своимъ войскомъ, а наши отступи-

ли въ Можайскъ за 10 верстъ отъ Бородина ближе къ Москвѣ^а.

—Ну, будетъ теперь, дѣтушки, пора мнѣ на боковую. Вѣдь я плохо спала нынѣшнюю ночь. Цѣлый день мокрой курицей смотрѣла; и даромъ что я больно расходилась какъ про Бородино вамъ рассказывала, все-таки старыя кости на покой просятся.

—Уходи же ты отсюда отъ насъ, вѣдь ты не можешь здѣсь жить. Уходи же ты отсюда отъ насъ, вѣдь ты не можешь здѣсь жить. Уходи же ты отсюда отъ насъ, вѣдь ты не можешь здѣсь жить. Уходи же ты отсюда отъ насъ, вѣдь ты не можешь здѣсь жить.

VI ВЕЧЕРЪ.

Послѣ Бородинскаго дѣла, начала Федосья Семеновна, — пожаловалъ царь князя Кутузова фельдмаршаломъ. Ужь больше этого чина и нѣтъ. Да сто тысячъ рублей ему подарилъ, князю Багратиону 50 тысячъ, Барклаю-де-Толли прислалъ онъ Егорьевскій крестъ. Много тогда награда было роздано и солдаты получили треть жалованья.

Да ужъ и горя-то сколько было. Что у нашего брата, что у господъ, въ каждой почти семьѣ либо кто раненъ, либо кто и совсѣмъ голову сложилъ.

Князю Багратиону не пришлось попользоваться царскими милостями. Отвезли его въ Ярославль, тамъ онъ скончался отъ раны, тамъ и пролежалъ въ сырой землѣ цѣлыхъ двадцать семь лѣтъ. Покойный императоръ Николай Павловичъ, — вѣдь онъ былъ родной братъ Александру и послѣ него царствовалъ, — поставилъ на Бородинскомъ полѣ памятникъ въ честь всѣхъ убитыхъ, и велѣлъ онъ перевезти туда тѣло князя Багратиона, да положить у подножья памятника. А памятникъ на самой Красной горѣ, гдѣ князь былъ раненъ.

Стоитъ тоже монастырь на Бородинскомъ полѣ, и что ни день, молятся въ немъ объ убиенныхъ. Основала его Тучкова въ память мужа. Тоже вдовой осталась послѣ Бородинскаго дѣла. Было ихъ, Тучковыхъ, пять братьевъ. И благословила мать четырехъ изъ нихъ на брань. Одинъ былъ раненъ подъ Смоленскомъ и попалъ въ плѣнъ, а двое погибли подъ Бородинымъ. Самый молодой изъ нихъ оставилъ сына по второму годочку, да вдову—Мargarиту Михайловну. Думали она совсѣмъ въ умѣ помутится, когда узнала объ его смерти. Отъ его полка остался лишь одинъ солдатъ, такъ онъ сказывалъ, что оторвало генералу сперва руку, потомъ ногу. А какъ понесли его раненаго съ поля битвы, такъ пуля ему въ грудь попала. Поѣхала Margarита Михайловна на Бородинское поле отыскивать его тѣло. Долго тамъ мертвые лежали; некому было ихъ подбирать. Остановилась она вечеромъ въ Можайскомъ монастырѣ и ждать до утра не захотѣла, а просила сейчасъ же проводника, да священника отслужить панихиду на самомъ полѣ. Вызвался проводить ее старый схимникъ и панихиду отслужить. Приѣхали они на поле, помолились о рабѣ Божіемъ Александрѣ, да о всѣхъ воинахъ на семъ мѣстѣ убиенныхъ, и стала Margarита Михайловна искать тѣло мужа. Въ это самое время явились на Бородинское поле крестьяне сжигать мертвыхъ, собирали ихъ грудями и приготовили уже костры. Это было въ октябрѣ: погода стояла ненастная, выла буря, накрапывалъ холодный дождь. Схимникъ освѣщалъ факеломъ дорогу, да окроплялъ святою водою мертвыхъ, и творилъ въ полголоса молитву. А Margarита Михайловна прокладывала себѣ дорогу между мертвыми, да къ каждому изъ нихъ нагибалась, разглядывала его въ лицо.

Цѣлую ночь она проходила и все даромъ: не нашла своего друга.

Продала она часть своего имѣнія и на томъ мѣстѣ гдѣ стояли батареи Александра Алексѣевича, выстроила въ его память монастырь. Да, многіе тогда въ трауръ нарядились. А нашихъ господъ помиловала Пресвятая Богородица. Покойный баринъ и раненъ даже не былъ. Въдь онъ ужъ давно въ отставку былъ, а когда война началась, поступилъ опять на службу. Жили мы тогда въ Можайскомъ имѣніи, верстѣ 15 отъ Бородина.

Какъ оставили наши войска Смоленскъ, такъ написалъ баринъ, чтобы мы сейчасъ выѣзжали въ рязанское имѣніе. „Потому, писалъ, еще неизвѣстно что будетъ, можетъ и до Москвы злодѣй дойдетъ“.

Барыня, какъ письмо получила, такъ поѣхала въ Новое село, близехонько отъ Бородина. Принадлежало оно старичку Николаю Александровичу Усову *). Наши-то съ Усовымъ очень дружно жили, и хотѣла барыня съ Николаемъ Александровичемъ посоветоваться. Николай Александровичъ ей говорить: „и я вамъ, матушка товарищъ. Чего намъ здѣсь ждать? Вы одиѣ съ малыми дѣтьми, да я съ дочерью и со внучатами. Соберусь тоже въ Саратовское имѣніе, поѣдемте вмѣстѣ, дорога намъ до Рязани одна. По крайности, говорить, спокойны будемъ. Лишь бы Господь вашего мужа помиловалъ, да моего сына!⁴ А у самого слезы на глазахъ. Сынъ-то его Дмитрій Николаевичъ былъ тѣмъ временемъ въ арміи. На томъ и порѣшили. Собрались скорехонько, отслужили молебень и пусти-

*) Дѣдъ профессора Московскаго Университета, Сергія Алексѣевича Усова. Село Новое принадлежит и теперь его семейству.

лись въ путь. А какъ уѣзжали, то приказали, чтобы за ними шелъ обозъ съ вещами. Николай Александровичъ оставилъ въ селѣ Новомъ старушку нянюшку, чтобы всѣмъ распорядиться, — Арина Ефимовна славная такая была, — а барыня матушку оставила; ей все поручила. И приказали господа, чтобы, какъ совсѣмъ уберутся, сами бы тогда къ нимъ пріѣзжали“.

VII ВЕЧЕРЪ.

„Какъ выслали обозъ, да справились совсѣмъ Арина Ефимовна да покойница матушка, матушка мнѣ говорить — вѣдь и я тоже при ней оставалась: — „ужь мы, говоритъ, Феня, нынѣшнюю ночку у Арины Ефимовны ночуемъ. Думаетъ она завтра ранехонько выѣхать и насъ поджидаетъ.“

Наши всѣ лошади подъ господскіе экипажи пошли, а у Арины-то Ефимовны оставалась бричка просторная такая и тройка лошадей. Доѣхали мы на телѣгѣ до Нового села, поужинали, да легли спать. На другой день поднялись мы ранехонько и велѣли закладывать. Оставалась въ домѣ кой-какая рухлядь. Арина Ефимовна стала ее собирать и говорить мнѣ: „Помоги-ка мнѣ, Феня, это все въ кладовую отнести.“ А кладовая-то у нихъ была въ отдѣльномъ строеніи. Забрали мы все добро, да несемъ черезъ дворъ; вдругъ видимъ, вѣзжаетъ въ ворота телѣга. Правиль ей мужичокъ и крикнулъ намъ: „Раненаго привезъ, примите!“ Мы сейчасъ всю ношу на травку поставили и побѣжали къ телѣгѣ. Какъ заглянула въ нее Арина

Ефимовна, такъ вся и помертвѣла: „Митя, говорить, родной ты мой!“ Въ тѣлѣ-то лежалъ молодой ея баринъ, выходенецъ ея, Дмитрій Николаевичъ Усовъ. Я сейчасъ бросилась къ матушкѣ, сказываю ей что случилось. Она, покойница, проворная такая была, мигомъ прибѣжала; видитъ, что у Арины Ефимовны руки-ноги отнялись отъ испуга, взяла у ней ключи, отперла кладовую, вынести оттуда подушекъ, разложила ихъ въ гостиной на диванѣ, а тѣмъ временемъ меня за людьми послала, вынести раненаго изъ телѣги. Какъ перенесли его, да въ гостиной положили, онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ около себя, словно улыбаудся и молвилъ: „Слава Богу: дома! Гдѣ же батюшка?“ Арина Ефимовна ему говорить: „Уѣхали, мой голубчикъ, въ Саратовъ всѣ уѣхали! Одна я здѣсь осталась!“ Слезы у него потекли: „Ужъ видно, говорить, мнѣ ихъ не видать! Велѣлъ себя привезти сюда, думалъ принять отцовское благословеніе!“

Говорить-то онъ все въ памяти, а только тихо да съ разстановкой; должно быть дышать ему трудно было. Арина Ефимовна такъ надъ нимъ и зарыдала. Онъ говорить: „Поцѣлуй меня, няня! Слава Богу хоть ты тутъ, да привелъ меня Богъ умереть подъ родимымъ кровомъ!“ Арина Ефимовна и матушка надѣли на него чистое бѣлье, да обмыли кровь, что текла изъ раны и вездѣ запеклась. А онъ говорить: „какъ теперь легко!“ да чаю себѣ спросилъ. Ничего не кушалъ, а только все пилъ либо чай, либо воду. Какъ узнали дворовые, что привезли раненаго барина, такъ всѣ сбѣжались въ домъ. И ночью многіе сидѣли, — кто въ передней, кто въ дѣвчечьей. Арина Ефимовна да матушка не отходили отъ Дмитрія Николаевича, а мнѣ велѣли спать ложиться. Я цѣлый день на ногахъ все была и

такъ крѣпко заснула. Поутру, какъ проснулась, на-
кинула на себя платишко и вбѣжала въ гостиную.
Вижу—она пуста. Я въ залу. Да какъ отворила дверь,
такъ и замерла на порогѣ. Среди комнаты, на столѣ
лежитъ Дмитрій Николаевичъ: блѣдный, въ мундирѣ и
хорошенькій такой. Дворовые и крестьяне около него
толятся; Арина Ефимовна, бѣдная, такъ и падаетъ.
Вдругъ дверь изъ передней настежь отворилась и вхо-
дятъ трое военныхъ. Поклонились они покойнику, по
христіанскому обычаю, и спрашиваетъ одинъ изъ нихъ:

„Кто этотъ офицеръ?“ Арина Ефимовна отвѣчаетъ:
„это мой баринъ, Дмитрій Николаевичъ Усовъ.“

Онъ спрашиваетъ опять: „Нельзя ли видѣть здѣш-
наго помѣщика?“ Она доложила, что господа уѣхали и
ей домъ приказали. „А вамъ, молъ, что угодно?“

Онъ говоритъ: „Хороните сейчасъ вашего покойника.“

Она такъ и всплеснула руками. „Батюшка, молвила
она,—только сегодня къ утру скончался и хотѣлось
бы мнѣ послѣдній долгъ ему отдать, хоть обѣдню
надъ нимъ отслужить!“

Знать этотъ военный добрый былъ человекъ. По-
смотрѣлъ на нее такое ласково и говоритъ: „Очень
я понимаю твое горе, голубушка, да дѣлать-то нече-
го. Князь Кутузовъ думаетъ дать здѣсь сраженіе На-
полеону, и надо мѣсто очистить. Этотъ домъ мы дол-
жны сжечь.“

Она такъ и вскрикнула. Вѣкъ, сердечная, въ этомъ
домѣ свѣковала, и легче бы ей, кажется, руку либо
ногу на отсѣченіе дать....

— Какъ же это, Федосья Семеновна? спросилъ Але-
ша, — нешто можно чужой домъ жечь?

— Ахъ ты глухой! Ужь некогда разбирать, чей домъ
и чье имѣніе. Надо было Россію спасать. Не одинъ

Усовскій домъ погибъ. А что казна тогда брала, такъ за все заплатила, когда Наполеона прогнали... Такъ и приказалъ этотъ военный, чтобы сейчасъ Дмитрія Николаевича хоронили. Велѣли наскоро гробъ сколотить. Да какъ принесли его, бѣлый, деревянный, ничѣмъ даже не обитый, Арина Ефимовна такъ и бросилась на своего Митеньку. Руки, ноги у него цѣловала и сама его вмѣстѣ со старостой въ гробъ положила. Ждали было священника на панихиду, а вмѣсто того пришелъ онъ прямо на выносъ тѣла. Всѣ пошли за покойникомъ, а матушка тѣмъ временемъ приказала закладывать нашу бричку, да узелки, какіе съ нами были, всѣ собрала.

Лишь засыпали могилу землей, всѣ вернулись на господскій дворъ. А ужъ тутъ солдаты распоряжаются: солдому готовить домъ поджигать. Какъ увидала это Арина Ефимовна, остановилась, словно замерла на мѣстѣ, а потомъ махнула рукой и крикнула: „Жгите, ребятушки, жгите, чтобы ничего здѣсь не оставалось, чтобы не пришелъ сюда злодѣй, да не наругался надъ его могилкой!“

Да съ этими словами бросилась къ бричкѣ. Мы съ матушкой за ней, усѣлись всѣ и лошади съѣхали со двора.

Отъѣхали мы въ этотъ день немного, версть 25 не больше, и остановились ночевать въ какомъ-то селѣ въ домѣ священника. На другой день, какъ проснулись, взглянули въ окно и видимъ—церковь отворена, а народъ въ нее такъ и валить.

Небо чисто, а словно громъ гремитъ безъ перемежки. Матушка подняла окно, да и спрашиваетъ: „Что, молъ, случилось?“ Отвѣчаетъ ей старичекъ: „Помолитесь хотимъ. Нешто не слышите, пальба-то какая

идеть? Вѣдь это наши гибнутъ отъ руки супостатовъ!¹⁴ И мы пошли въ церковь. Всѣ ставили свѣчи предъ иконами. Ужъ послѣ мы узнали, что это шевардинское дѣло начиналось. Служили молебень съ коленно-преклоненіемъ, а народъ рыдалъ, такъ что иной разъ не слышать было пѣнья. Какъ окончилась служба, говоритъ священникъ: „Прощивали мы Господа Бога, православные! За наши грѣхи тяжкіе наказаніе принимаемъ. Супостаты ужъ близехонько отъ насъ, пожалуй сюда придутъ, наругаются надъ нами, да и храма-то Божьяго не пощадятъ. Не выбратся ли намъ отсюда пока головы на плечахъ? Я, говоритъ, всю церковную утварь въ сундукъ запру, да зарюю въ землю. И вы бы свое добро спряди. А тамъ возьмемъ съ собой съѣстныхъ запасовъ, скотинку уведемъ и уберемся подальше, куда глаза глядятъ. Не приведетъ насъ Богъ подъ кровъ христіанскій укрыться, такъ въ лѣсу гдѣ-нибудь станемъ жить.¹⁵ А крестьяне говорятъ: „это ты правду, батюшка, молвилъ: уведемъ, а тамъ что Богъ дастъ!“

На другой день остановились мы въ деревнѣ, — въ какой ужъ не помню, — лошадей покормить. Тутъ же стояла барыня *), отъ непріятеля тоже уѣзжала съ малыми дѣтьми, люди ея такъ сказывали. Велѣла она себѣ самоваръ на крылечко подать и сидитъ чай кушаетъ. Вдругъ видятъ — бѣгутъ крестьяне вдоль по улицѣ; тутъ и дѣти, и бабы, всѣ съ колыями, да съ вилами, и кричатъ: „паѣнныхъ Французовъ привели: бить злодѣевъ!“ А барыня-то встала со своего мѣста да крикнула: „стой!“ Они всѣ остановились. И стала она имъ говорить, что паѣнныхъ бить значить

*) Елизавета Евграфовна Новосильцева, урожденная Тагилцева.

тяжелый грѣхъ на душу принять: „можетъ, говорить, они теперь оборванные и голодные и слѣдуетъ имъ милостыню подать Христа ради, что нищему; вѣдь небось и ваши-то подъ пулями стоять. Можетъ они тоже въ плѣнь попадутъ. А окажете вы милосердіе французскимъ плѣннымъ, Господь и вашихъ въ неволѣ не оставитъ.“ Такъ это она хорошо говорила, что многіе даже прослезились. А какъ плѣнныхъ-то ввели въ село, ужъ и впрямь оборванныхъ да горькихъ, стали имъ бабы хлѣбъ приносить. А которыя подаютъ, да все еще какъ будто сердце на нихъ держать: не смотреть на нихъ, сунуть имъ хлѣбъ отвернувшись, да и промолвить: „Христа ради.“

Въ Рязань-то путь намъ на Москву лежалъ. И въѣхали мы въ Москву въ самый день бородинской битвы.

VIII ВЕЧЕРЪ.

Пріѣхали мы къ себѣ въ домъ. Арина Ефимовна совсемъ разнемоглась дорогой. На дворѣ жара, а ее то и дѣло дрожь пробираетъ, и такъ ослабѣла, что съ ногъ валится. Матушка послала за докторомъ. Онъ говорить: „Это съ ней отъ горя приключилось, и везти ее теперь нельзя. Надо ей отдохнуть по крайней мѣрѣ хоть недѣлю.“

Въ Москвѣ былъ толкъ лишь про однихъ Французовъ. Даже незнакомые на улицѣ другъ дружку останавливали, да спрашивали: не знаютъ ли чего новаго? Графъ Ростовичинъ всехъ успокоивалъ. Являлись то и дѣло

сть него печатныя объявленія и сказано въ нихъ было, что бояться нечего, что злодѣй до Москвы не дойдетъ. И такъ онъ всѣхъ завѣрилъ, что никакой опасности нѣтъ, что никто почти и не думалъ изъ Москвы выбираться. А какъ явилась вдругъ вѣсть о бородинскомъ дѣлѣ, всѣхъ словно громомъ поразило. Никто не думалъ не гадалъ, что непріятель за сто верстъ отъ Москвы.

Поднялись разомъ всѣ московскіе жители и въ то же время приказалъ генераль-губернаторъ закрыть присутственныя мѣста и все казенное добро вывозить. Изъ церквей тоже убирали утварь. Кабы стали исподоволь развѣзжаться, не то бы было. А тутъ такое множество потребовалось разомъ телѣгъ и лошадей, что не откуда было ихъ достать. А извозчики-то видятъ, что большой спросъ и такія цѣны заломили, прости имъ Господи, что однимъ богатымъ было съ руви нанимать. Видятъ, безбожники, Господь и такъ наказаніе посылаетъ, а они только и думаютъ какъ бы слезами своихъ же наживаться. Да еще Богъ знаетъ, пошли ли имъ въ прокъ эти денежки. Сколько бѣдныхъ людей принуждены были въ Москвѣ остаться. Кто все добро потерялъ, а кто и самъ погибъ. По улицамъ таянулись что днемъ, что ночью кареты да повозки. Многіе тоже пѣшкомъ уходили, иные съ дѣтьми на рукахъ, иные съ какимъ добромъ. Спасали и купцы свои товары. Въ гостинномъ дворѣ проходу не было: лежатъ на улицѣ тюки, бочки; а еще добрые люди грабить вздумали,—благо не до того было, чтобы мошенниковъ ловить. Да велѣлъ на бѣду генераль-губернаторъ въ кабакахъ винныя бочки разбить. Потекло вино по улицамъ, а негодяи припадутъ къ мостовымъ и пьютъ, гдѣ бѣжитъ винный ручей. Крикъ,

шумъ, драка. Срамъ да и только. Помню, тогда старики говорили: „Не такъ бы народу православному встрѣчать кару Божию! Да ужь видно погибли мы совсѣмъ и подошли послѣднія времена“. У заставъ такая тѣснота была, что иные тутъ стояли по пяти и шести часовъ: приказано было казенное добро пропускать впередъ; ждали когда будетъ возможно выѣхать. А тутъ еще народъ сталъ волноваться: „Что жь это, молъ, всѣ Москву теперь покидаютъ? Отдаютъ ее безъ защиты Бонапарту!“ Такъ даже случалось, что иные выѣхать-то выѣдутъ, а какъ доберутся до деревни, ихъ на вочлегъ никто въ избу не пустить. „Зачѣмъ, молъ, изъ Москвы выѣзжаете? На что ее врагу на разграбленіе отдаете?“

А того не соображали, что кто въ силахъ былъ, всѣ подъ ружьемъ стояли, а выбирались изъ Москвы старики, женщины да дѣти. Они бы ее не отстояли отъ Бонапарта, и только бы наругался онъ надъ ними.

Видитъ это графъ Ростопчинъ, что народъ волнуется, и сталъ придумывать чѣмъ бы ему его успокоить. Опять же графа одно еще тревожило: лежало въ кремль бездна оружія и хорошаго и плохаго, разбирать его да вывезти некогда было, а оставить это добро въ рукахъ непріятеля не приходилось. Вотъ и придумалъ онъ какъ съ двумя бѣдами разомъ справиться.

Былъ тогда московскимъ митрополитомъ преосвященный Платонъ. Ужь по старости и по болѣзни онъ жилъ на покоѣ въ Виѣаніи около Троицы, а дѣла всѣ сдалъ архіепископу Августину. Когда Наполеонъ пришелъ въ Россію и покойный императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву, все собирался къ нему митрополитъ, да не въ силахъ былъ пріѣхать. И прислалъ онъ императору икону преподобнаго Сергія;

икона эта написана на гробовой крышѣ угодника. Когда открыли его святые мощи, такъ переложили его въ раку, а гробъ, въ которомъ онъ прежде почивалъ, цѣль и до сихъ поръ, лишь крышу съ него сняли и написали на ней икону. Еще прапрадѣдъ покойнаго императора возилъ ее съ собой въ походахъ. Какъ получилъ ее императоръ Александръ Павловичъ, такъ отдалъ московскому ополченію вмѣсто знамени.

Въ народѣ любили и уважали Платона. И уговорилъ его графъ Ростопчинъ, чтобы прѣхалъ онъ въ Москву лишь только въ силахъ будетъ.

Вдругъ разнесся слухъ, что митрополитъ въ городѣ и что будутъ служить соборный молебень въ кремль, на Чудовской площади. Устроили амвонъ за колокольной Ивана Великаго и все приготовили для молебствія. Двое изъ нашихъ людей, что въ Москвѣ оставались, пошли въ кремль; выпросилась у матушки и я съ ними. Пришли мы, а народъ такъ ужъ и кишитъ на площади. Вдругъ въ Никольскихъ воротахъ показалась карета митрополита, запряжена она была чернымъ цугомъ. Народъ снялъ шапки. А Платонъ высунулся изъ окна и всѣхъ благословилъ. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Ростопчинъ. Принесены были иконы и хоругви изъ соборовъ. Митрополитъ не служилъ самъ по слабости; а какъ отошелъ молебень, діаконъ возвѣстилъ, что владыка желаетъ держать рѣчь къ народу: „но ему, молъ, говорить тяжело и приказалъ онъ мнѣ передать его слова.“ И сталъ діаконъ говорить отъ имени владыки. Святитель уговаривалъ народъ успокоиться, покориться волѣ Божіей и не выходить изъ повиновенія у начальства. Митрополитъ плакалъ. У всѣхъ, глядя на него, набѣжали тоже слезы на глаза. И говорить діаконъ: „Владыко желаетъ знать,

общаетесь ли вы слушаться его словъ; которые обѣщаются—пусть на колѣна стануть.“ Всѣ разомъ опустились на колѣна и митрополитъ всѣхъ благословилъ. Во все время графъ Ростовичинъ за нимъ стоялъ, а тутъ онъ выступилъ впередъ и сказалъ народу: „Какъ скоро вы покоряетесь волѣ государя и слову святителя, я объявляю вамъ милость царскую: не отдадутъ васъ безоруженныхъ въ руки непріятеля: позволю я вамъ, именемъ государя, разобрать оружіе что лежитъ въ арсеналѣ.“ Въ толпѣ такъ и загремѣло: „Много благодарны! Дай Богъ многія лѣта царю!“

А графъ Ростовичинъ говоритъ: „только чтобы безурядицы не было, нужно порядокъ соблюдать: должны вы входить въ Никольскія ворота, а выходить въ Троицкія. Я прикажу сейчасъ отпереть арсеналъ.“

Тутъ велѣлъ онъ подавать экипажъ. Митрополита посадили въ карету двое діаконовъ, толпа проводила его и тутъ же вернулась за оружіемъ. Разбирали его нѣсколько дней сряду. Много было сабель заржавленныхъ, да ружей попорченныхъ. Опять же пороху ни у кого не было, а объ этомъ сгорча не подумали; рады только, что оружіе въ рукахъ.

Одинъ изъ нашихъ сосѣдей принесъ домой ружье безъ курка: „даромъ, говоритъ, что оно не въ исправности, все же можетъ пригодиться Француза постращать.“ Привозили то и дѣло раненыхъ въ Москву. Какъ бывало выйдешь на улицу, глядишь тянутся телѣги. Которые Москвичи оставались еще въ городѣ, выходили раненыхъ встрѣчать; всякій свой домъ предлагалъ: приносили имъ корпін, ѣды и питья.

А Москва все пустѣла да пустѣла. Куда ни взглянешь, стоять дома съ запертыми воротами и затворенными ставнями; тоску даже наводило.

Такъ подошло 1 сентября. Въ этотъ день церковь празднуетъ новолѣтіе. Приѣхалъ архіепископъ Августинъ въ Успенскій соборъ, обѣдню служить. Какъ кончилась она, подошелъ народъ ко кресту и говоритъ Владыка: „Когда-то приведетъ насъ Господь помолиться опять въ этомъ храмѣ?“ А у самого голоса дрожить отъ слезъ.

Старушка остановилась: дрогнулъ и ея голосъ.

— Что, Федосья Семеновна, очень страшно было? спросилъ молодой парень.

— Еще бы! отозвалась она.—Мнѣ было тогда всего 13 лѣтъ, и можетъ я бы по молодости не поняла какое испытаніе послалъ на насъ Господь, да какъ наслышишься, что взрослые около тебя толкуютъ да на ихъ горе нагладишься, такъ бывало сердце и щемить.

— А когда же, Федосья Семеновна, Наполеонъ Москву-то полонилъ? спросилъ Алеша.

— Въ свое время узнаешь, а теперь расходитесь-ка по домамъ.

IX ВЕЧЕРЪ.

„Сказывала я вамъ, дѣтушки, начала Федосья Семеновна, что послѣ бородинскаго дѣла наша армія отошла къ Можайску. Князь Кутузовъ отдалъ приказанія по арміи, распорядился ранеными, а на другой день ранехонько велѣлъ отступать дальше къ Москвѣ. Двинулись солдаты изъ Можайска. Не весело имъ было открывать опять Наполеону дорогу къ Бѣлокаменной, да все-то они чаяли, что подъ самой Москвой дано будетъ еще сраженіе. А Наполеонъ пошелъ опять въ

слѣдъ за нашими, да опять все нападалъ на нихъ съ тылу и во всю дорогу не перемежалась перестрѣлка. Можетъ кому изъ васъ случалось вѣзжать въ Москву смоленскою дорогою: версты за три отъ заставы Поклонная гора; видно оттуда Москву что на ладони. Называется эта гора Поклонной потому что паломники, когда идутъ помолиться московскимъ угодникамъ, кланяются имъ оттуда въ первый разъ своимъ большимъ поклономъ. А какъ пройдешь ты Поклонную гору, сейчасъ на лѣвой рукѣ будетъ у тебя село Фили. Тутъ остановился князь Кутузовъ и приказалъ собрать военный совѣтъ. Было это въ тотъ самый день, когда преосвященный Августинъ служилъ послѣднюю обѣдню въ Успенскомъ соборѣ.

— Что такое военный совѣтъ? спросилъ Алеша.

— Сказать бы по нашему мѣрская сходка, только не всѣхъ на нее допускають, какъ въ деревняхъ. Когда въ военное время надо ужъ очень важное дѣло рѣшить, да начальниекъ знаетъ, что умъ хорошъ, а два лучше, такъ велить чтобы собрались главные генералы. Выслушаетъ онъ что все они скажутъ, да и рѣшить кто изъ нихъ правъ.

Такъ и собралъ Михайлъ Иларіоновичъ Кутузовъ военный совѣтъ въ Филахъ. Сошлись все въ избушку, по его приказанію, да пріѣхалъ туда же изъ Москвы графъ Ростопчинъ. Усѣлись на залавкахъ и стали толковать о томъ, что слѣдуетъ ли еще дать сраженіе Наполеону или впустить его въ Москву безъ боя. Судили, ридили, всякій свое говорилъ, а больше стояли за сраженіе. Подъ конецъ всталъ свѣтлѣйшій и молвилъ: „Если завладѣетъ Наполеонъ Москвой, такъ отъ этого Россія еще не погибнетъ; а потеряемъ мы нашу армію, такъ и Россія съ ней пропадетъ. Армія-то и

такъ убавилась подь Бородинымъ,—а потому приказываю я отступить завтра чѣмъ свѣтъ на рязанскую дорогу.“

Такъ и было рѣшено: сдать Москву Наполеону. Ужь видно на то была Божья воля. Какъ молвилъ князь свое слово, стали все генералы выбираться изъ избы, а онъ одинъ остался. И все сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ—горькую думушку думалъ. Тѣмъ временемъ совсѣмъ ужь стемнѣло. Вошелъ въ избу его адъютантъ и спрашиваетъ: „Гдѣ же мы остановимся, ваша свѣтлость?“ Князь не сразу отозвался, да вдругъ хлопнулъ кулакомъ по столу и кривнулъ: „Это мое дѣло; а ужь будутъ у меня Французы, какъ въ прошломъ году Турки, вѣсть лошадиное мясо!“ Потомъ онъ прилежъ, да не спалось ему; и слышалъ его адъютантъ, что плачетъ старый фельдмаршалъ. Знать ужь больно жаль ему было Москву.

Какъ услышали наши солдаты приказаніе начальства, такъ горе ихъ разобрало. Знали они, что ведетъ ихъ Кутузовъ, и пошли бы они за нимъ хоть на дно морское, да легче бы имъ было лечь головами за родимый городъ, чѣмъ врагу его отдавать. А пуще всего, что на рязанскую дорогу приходилось идти черезъ самую Москву. Подѣлилась армія и вступила въ нее нѣсколькими заставами. Иные полки шли мимо кремлевскихъ стѣнъ: какъ завидѣли ихъ солдатики, да перекрестились послѣдній разъ предъ ихъ святынями, слышались рыданія въ рядахъ.

Что оставалось въ городѣ жителей, все выбѣгали на встрѣчу нашимъ, узнать что новаго. Вышли и мы изъ своихъ воротъ и спрашиваемъ: „Куда, ребятушки, путь держите? Какія вѣсточки вы намъ принесли?“ А они говорятъ: „Выходите съ хлѣбомъ-солью встрѣчать

дорогихъ гостей; Наполеонъ у насъ по пятамъ идетъ поклонился мы ему матушкой Москвой!

Священники облачились въ ризы и вышли на паперти церквей, и какъ проходили мимо наши воины, окропляли ихъ святою водою и благословляли на брань. Въ это самое время графъ Ростопчинъ выѣзжалъ изъ Москвы. Какъ онъ вернулся наканунѣ съ военнаго совѣта, такъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія и велѣлъ все приготовить къ своему отъѣзду.

А Наполеонъ какъ вѣхалъ на Поклонную гору во главѣ французской арміи, такъ осадилъ своего бѣлаго коня. Раскинулась предъ нимъ Москва, вся въ серебрѣ да въ золотѣ, что невѣста въ брачной одеждѣ. Какъ увидали ее Французы, будто опьянѣли отъ радости. Въ рядахъ раздался крикъ: „Москва! Москва!“ и всѣ захопали въ ладоши. Не знали они, сердечные, что пригналъ ихъ Бонапартъ въ Москву что звѣрковъ какихъ въ западню, что овецъ на бойню! Наобѣщавъ онъ имъ золотыя горы, клялся что отдохнуть въ Москвѣ, что найдутъ они здѣсь покойныя квартиры, еду сытную, питье сладкое и всякое продовольствіе. А что они въ ней нашли? Горе да погибель!

Ужь сколько онъ народовъ завоевалъ и какъ подходилъ онъ къ ихъ столицамъ, являлись къ нему депутаты, т.-е. по нашему бы сказать выбранные люди изъ почетныхъ жителей, да принимали отъ него приказанія что рабы какіе, и подносили ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ своего города. Думалъ онъ, что и въ Москвѣ также его примутъ, и приказалъ своимъ генераламъ ѣхать въ городъ и привести къ нему русскихъ бояръ: „я, молъ, ихъ милостиво приму!“ Посказали генералы: вѣхали въ Москву—все пусто! лишь кое-гдѣ дворникъ сидитъ передъ воротами у запер-

таго дома, да пробредеть какой-нибудь бѣднякъ по улицѣ. Подъ конецъ посчастливилось посланнымъ повстрѣчаться со своими земляками, что въ Москвѣ проживали и содержали магазины. И спрашиваютъ ихъ генералы: „Гдѣ, молю, здѣсь отыскать почетныхъ жителей? Гдѣ генераль-губернаторъ и сенаторы?“ А Французы имъ говорятъ: „Всѣ выѣхали — что власти городскія, что самые граждане.“ Сробѣли французскіе генералы. Чували, что такая вѣсть не придется Наполеону по сердцу и не знали какъ ему объявить, что какъ ни жди, а не дождется онъ подѣ Москвой почетной встрѣчи. Потолковали они между собой и рѣшили хоть своихъ-то земляковъ отвести къ Наполеону, пусть молю самъ ихъ допросить.

Тѣмъ временемъ французскіе солдаты, стоя на Поклонной горѣ, вычистили мундиры и пріубрались: хотѣлось имъ, чтобы видѣли Москвичи какіе они brave и какими удалцами смотреть. А Наполеонъ все ждалъ да ждалъ бояръ.

Вернулись подѣ конецъ генералы съ земляками и доложили Императору, что вотъ, молю, дѣло-то какое. Какъ услыхалъ про то Наполеонъ, словно варомъ его ошпарило. Передѣ солдатами даже стыдно, что вмѣсто бояръ явились къ нему на поклонъ свои же французскіе сапожники да портные. Приказалъ онъ выпалить изъ вѣстовой пушки, чтобъ армія двинулась къ городу. И полки понеслись стрѣлой къ Москвѣ. А Наполеонъ такъ въ нее и не въѣхалъ съ досады, а ночевалъ у Доргомиловской заставы, на постояломъ дворѣ, со своими приближенными. Только на другой день явился въ городъ и поселился въ кремлевскомъ дворцѣ.

Не успѣли еще наши послѣдніе полки выступить изъ Москвы, какъ вступили съ другаго конца Фран-

пузы. Ужь точно молодцы были, нечего сказать! А вель-то ихъ шуринъ Наполеона, тоже красавецъ прекрасный. Подъѣхали они ко кремлю, хотять въ Кутафьевскія ворота вступить; а тамъ съ десятокъ смѣльчаковъ изъ нашихъ прикатили къ воротамъ бревна, притащили щиты и загораживають путь врагу. Французы думали тамъ цѣлый отрядъ засѣлъ и выпалили изъ пушки. Разлетѣлись щиты и бревна, послышался крикъ за воротами, непріятельскіе солдаты расчистили мѣсто и выбросили въ ровъ убитыя тѣла. Погибли буйныя головушки, легли за родимую Москву, а ихъ именъ даже никто не знаетъ, никто не помянулъ ихъ на молитвѣ.

Которые изъ французскихъ полковъ вступили въ кремль, которые разошлись по разнымъ улицамъ и солдаты разбрелись по пустымъ домамъ. Вошли они въ Москву 2 сентября въ понедѣльникъ, черезъ недѣлю изо дня въ день послѣ бородинской битвы.

Х В Е Ч Е Р Ъ.

„Плохо спалось намъ въ эту ночь. Лишь только улеглись, не далеко отъ насъ вспыхнулъ пожаръ. Глядимъ—вдругъ загорѣлось съ другой стороны, а тамъ и съ третьей. Такой насъ страхъ разобралъ: вѣдь не знаемъ, по неосторожности горить, или злодѣи насъ жгутъ. Арина Ефимовна и матушка рѣшились ѣхать во что бы ни стало. Пока заря еще не проглянула, затопили печку въ кухнѣ, наварили яицъ, напекли съдобныхъ лепешекъ, захватили еще кой-чего съестнаго изъ погреба, увязали все въ салфетки, и лишь

только взошло солнышко, напились чаю и велѣли закладывать. Какъ подали повозку ко крыльцу, да вышла матушка уложить въ нее наши запасы, откуда ни возьмись два непріятельскихъ солдата. Подхватили они лошадей подъ уздцы и не говоря худаго слова свели ихъ со двора; матушка и ахнуть не успѣла. Такъ и остались мы въ Москвѣ. На другой день пожары усилились и сами Французы пытались ихъ тушить.

— Стало, не они поджигали, Ѳедосья Семеновна? спросилъ Алеша.

— А какая имъ выгода поджигать? отозвалась Ѳедосья Семеновна.—Вѣдь это мы сгоряча такъ подумали, а какъ поразсудить дѣло, такъ выйдетъ другое. Наполеонъ думалъ отсюда миръ съ нашимъ царемъ заключить, а пока его войскамъ былъ здѣсь кровъ да хоть какое пропитаніе. Имъ Москву жечь значило себѣ же могилу рыть. Мало того что не жгли они ее, а кого изъ нашихъ заподозрять въ поджогъ, тѣхъ схватить и повѣсять либо разстрѣляютъ. Разъ привели французскіе солдаты на площадь къ Страстному монастырю нѣсколько человекъ изъ Русскихъ, кричатъ что поджигатели; и кого разстрѣляли, кого повѣсили, да тутъ и оставили тѣла, другимъ для застрастки.

— А кто говорить, точно мы сами Москву жгли, замѣтила молодая дѣвушка.

— И это я слышала, отозвалась Ѳедосья Семеновна,—да плохо этому вѣрю. Мы бы за нее не постояли, если бы пришлось Россію выкупать Москвой. Вѣдь жгли же мы села и другіе города, чтобы враговъ сокрушить. Да дѣло въ томъ, что не зачѣмъ было жечь Москвы. Мы знали, что рано ли поздно ли непрощенные гости погибли бы въ ней отъ голода да отъ холода. Я такъ

думаю, что много бѣды было по неосторожности; какъ вышли Французы, такъ разбрелись кто куда попало, и бѣду себѣ готовили. Вѣдь они какъ? зайдутъ куда въ домъ, обшарять погреба и кладовыя, изготовить себѣ обѣды, да и были таковы. А ужь тутъ не жди, чтобъ они огонь погасили; небось, ихъ дѣло не хозяйское! Къ тому же графъ Ростовичинъ передъ вступленіемъ Француза приказалъ каторжниковъ въ Нижній отправить, а которыхъ отправить не успѣли, тѣхъ пришлось выпустить изъ тюрьмы, такъ они тоже на грабежъ бросались. Можетъ у нихъ рука не дрогнула: грабить имъ безъ пожара нельзя, потому въ богатыхъ домахъ оставалась прислуга и не выдача бы имъ господскаго добра; а горить домъ, такъ подъ шумокъ-то грабить и ловко. Вѣдь, отъ этихъ людей совѣсти не жди: узнать ихъ легко было по бритымъ головамъ; и сколько изъ нашихъ ихъ видали; и при всемъ томъ не выгорѣло бы двѣ трети Москвы, кабы не подчалась въ среду буря.

Всѣ эти пожары слились въ одинъ, и потекло по Москвѣ огненное море. Стало оно къ намъ подходить, и Матушка и Арина Ефимовна рѣшились куда-нибудь уйти со всеми людьми, что при домѣ оставались: дворникъ, да кучеръ нашъ, да братъ матушкинъ, дядя Трофимъ. Куда идемъ — сами не знаемъ, а изъ Москвы надо выбраться. Тамъ авось въ какое село, хоть Христовымъ, именовъ насъ, приютить. Что было денегъ, и матушка положила въ мѣшечекъ и повѣсила на шею. У кого было два платья, тотъ надѣлъ оба на себя; зашивали въ узелки одежду и съѣстные припасы, перекрестились и сошли со двора.

— Дядя Трофимъ говоритъ: «Главное, надо добратъ ся до какой-нибудь заставы, лишь бы пожаръ пропустилъ».

Идемъ одною стороною улицы, а другая горитъ. Такой былъ страхъ, что рассказать не расскажешь. Помню, поравнялись мы съ какою-то церковью; и церковь горитъ, и дома горятъ,—просто адъ кипитъ и со всѣхъ сторонъ все рушится. Бревна горять и батаются по улицамъ; такъ и сыплются головни, летитъ съ крышъ листовое желѣзо; жара такая, что не продохнешь, а мостовая раскалилась—ноги жжетъ. Какъ поравнялись мы съ церковью, колокольная вся была въ огнѣ, и колоколъ сорвался и рухнулъ около насъ. Ужь и рассказать не могу, что со мной стало. Мнѣ съ первой-то минуты показалось, что этотъ колоколъ раздавилъ меня до смерти. Дядя Трофимъ крикнулъ: „назадъ!“ Оглянулись мы назадъ, а за нами ужъ горитъ. И сама я теперь въ домекъ не возьму, какъ намъ Господь помогъ черезъ сквозной дворъ въ переулочекъ пробраться. Туда еще не доходилъ пожаръ. Съли мы отдохнуть на крылечко какого-то дома, потому что умаялись мы совсѣмъ. Бѣдная Арина Ефимовна просто ногу не передвигаетъ. Сидимъ мы тутъ и плачемъ. Вдругъ видимъ, идетъ кто-то изъ нашихъ, подошелъ онъ и спрашиваетъ: „Что вы, молъ, тутъ сидите?“ Разказали мы ему про наше горе, а онъ говоритъ: „Вамъ изъ Москвы не выбраться, потому что у заставъ стоятъ французскіе караульные и никого не пропускаютъ. Пошли бы вы къ Крымскому броду, на Орловъ лугъ, туда много народу собралось, и я туда иду. Хотите, пойдете вмѣстѣ.“

Пошли мы съ нимъ, на дорогѣ отдыхали раза два. Орловъ-то лугъ былъ отъ насъ не близко, опять же приходилось не разъ крюку давать, чтобы миновать пожаръ. Какъ повернули мы къ Крымскому броду, видимъ—на Орловомъ лугу народъ что муравейникъ.

Съли и мы. Я стала оглядываться и прислушиваться. Чего-чего тамъ не было! и старый и малый, и нищій и богатый! Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки и сундучки. Всѣ расположились на лугу; говоръ-то говоръ, что пчелиный рой.

Погода на наше счастье стояла сухая, а только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся, бывало, всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. А на счетъ пищи мы жили безъ нужды. Всѣ кондитерскія лавки остались отперты, да частныя кладовыя да ряды. Бери кто что хочетъ, особенно въ рядахъ. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось: цѣлые цибки чаю стояли, головы сахару, и всякихъ было много припасовъ. У насъ на лугу самовары кипѣли, либо разложить огонь и варить какую-нибудь похлебку. Провизию брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что и безъ того бы не уцѣлѣла, опять не умирать же намъ съ голоду, а вотъ бѣда, что иные изъ нашихъ грабили не хуже непріятеля. Уйдуть, бывало, съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собой цѣлые узлы украденныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно. Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возмуть, а докорыстоваться все-таки не придется; иной разъ еще не донесутъ до мѣста награбленное добро, а непріятели его отобьютъ. И страшно было, и грустно, случалось тоже что по молодости разболтаешься съ добрыми людьми и повеселѣешь, а степенные люди, разумѣется, въ это время кромѣ заботы да горя ничего не знали².

— Ну, дѣтушки, пора на боковую. Христось съ вами, а завтра милости просимъ опять.

ХІ ВЕЧЕРЪ.

„Коли намъ, Русскимъ, было плохо въ это горькое время, дѣтушки, начала Федосья Семеновна, такъ Французамъ приходилось еще хуже.

Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Москву и поселился въ кремлевскомъ дворцѣ, пожаръ ужь кое-гдѣ вспыхнулъ. Французы попытались его гасить, да какъ на третій день послѣ ихъ входа поднялась буря, да разошелся огонь по всему городу, такъ видать они что дѣло-то плохо; самъ Наполеонъ не на шутку струсилъ. И около кремля все горѣло, даже во дворцѣ дышать нельзя было отъ дыму да отъ огненной пыли. Собрались въ нему генералы и стали его упрашивать, чтобъ онъ спасся. Сначала-то онъ упрямился, показать имъ не хотѣлъ, что страхъ его разбираетъ, а тутъ ужь видить, что дѣлать нечего—рѣшился. Вышли они изъ дворца, и не знаютъ куда броситься. Съ первой минуты имъ показалось, что они совсѣмъ пропали—выхода нѣтъ; въ какія ворота ни сунутся, вездѣ горить; ужь подъ конецъ спустились они въ Тайницкія, что подъ горой, около Москвы рѣки, и пробрались въ какой-то переулочекъ, да дороги-то не знаютъ и сблизись совсѣмъ: справа горить, слева горить; мостовая такъ раскалилась, что обувь тлѣетъ; они, бѣдные, все идутъ и руками закрываютъ глаза, а руки всѣ обожжены. Подъ конецъ ужь, на ихъ счастье, слышать они голоса,—ихъ же солдаты были гдѣ-то не далеко; генералы ихъ окликнули; они прибѣжали изъ переулка и провели своего императора къ Тверской заставѣ, потому что эту мѣстность ужь они исходили.

Онъ дошелъ со своими провожатыми до Петровскаго дворца и оставался тамъ трое сутокъ. До сихъ поръ еще показываютъ комнату, гдѣ онъ тамъ жилъ. Этимъ временемъ пожаръ утихъ и Наполеонъ вернулся въ Московскій дворецъ, такъ какъ кремль уцѣлѣлъ. Не спалось я чай этому Бонапарту въ нашихъ царскихъ хоромахъ; и самъ не радъ былъ своей прыти; ужъ видить до того дошелъ, что ни изъ короба, ни въ коробъ; ни въ Москвѣ остаются, ни изъ Москвы выбраться нельзя. Войско требовало продовольствія, а кормить его было нечѣмъ, такъ какъ провіанта не подвозили, да и ждать его не откуда было; только лишь грабежами пробавлялись. Одна надежда и была у Наполеона, — что нашъ царь согласится заключить съ нимъ миръ; а покаместъ потѣшалъ всячески своихъ солдатъ, чтобы не очень они роптали. Театръ велѣлъ имъ устроить; играли на немъ французскіе актеры, — по нашему комедіанты, — что жили уже давно у насъ въ Москвѣ. Не изъ чего имъ платье шить для представленія, такъ они бывало поповскія ризы гдѣ-нибудь стащатъ, да на одежду себѣ перекроютъ. Забавлялись солдаты представленіями, да не долго соловья баснями прокормишь. Бонапартъ и придумай штуку. Приказалъ онъ объявить по окрестнымъ селамъ, откуда не всѣ выбрались крестьяне, что если они будутъ доставлять съѣстные припасы въ Москву, то получаютъ за нихъ хорошую плату. Иные почли грѣхомъ на деньги покорыстоваться да неприятеля хлѣбомъ снабжать, а другіе на его обѣщанія польстились, привезли хлѣба и точно, получили за него деньги. Да что же оказалось? Это онъ, мошенникъ, надѣлалъ фальшивыхъ ассигнацій и ими-то расплачивался! Наши мужички сразу догадались въ чемъ штука, и съ тѣхъ поръ

охотниковъ продавать свое добро за фальшивыя деньги уже не нашлось.

Русскихъ тоже Наполеонъ ублажать старался, чтобъ еще больше не озлобить ихъ противъ себя. Вздумалъ порядки всякіе въ городѣ вводить и приказалъ духовенству, которое оставалось въ Москвѣ, приступить опять къ богослуженію: „а чтобы мои, моль, солдаты васъ не тревожили, коли хотите, будетъ стоять караулъ у паперти во время службы». Изъ многихъ церквей была утварь вывезена, а многія были освернены; непріатели въ нихъ спасались отъ пожара и ставили въ нихъ своихъ лошадей.

Изъ нашихъ тоже многимъ пришлось жить въ церквахъ: дѣлать-то нечего, нужда заставила; вѣдь тутъ были и старики, и больные, и дѣти; не погибать же имъ на улицѣ, когда пошли осенніе дожди.

Въ нѣсколькихъ церквахъ собрали кое-какъ утварь и стали совершать службу. Въ замоскорѣчьи у Петра и Павла въ первый разъ отслужили на Іоанна Богослова обѣдню съ молебномъ и водосвятіемъ. Которые изъ нашихъ по близости жили и услыхали какъ загудѣлъ въ первый разъ колоколъ, такъ себя, говорятъ, отъ радости не вспомнили; кто въ силахъ былъ, всѣ побрели въ церковь. Пришли они исхудалые, оборванные, голодные; какъ отворились царскія двери и вышелъ изъ алтаря священникъ съ крестомъ и Евангеліемъ, а діаконъ со свѣчей, народъ палъ ницъ. А какъ во время водосвятія заплѣли на клиросѣ: „Спаси Господи люди Твоя“, всѣ стояли на колѣнахъ и вторили хоромъ молитвѣ; а тамъ ужъ и словъ молитвы не слышно было за рыданіями, когда заплѣли: „къ Богородицѣ прилежно нынѣ притедемъ“. Матери подымали на рукахъ грудныхъ мла-

денцевъ къ иконѣ и громко взывали: „Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ дѣтей“. А какъ діаконъ на эктеньѣ помянулъ о царствующемъ градѣ, такъ у него голосъ оборвался отъ слезъ.

Только и было утѣшенія въ молитвѣ! Главное горе, что не знали мы когда будетъ конецъ нашей бѣдѣ, потому что Наполеонъ жилъ полнымъ хозяиномъ въ Москвѣ. Назначилъ онъ губернатора, полицеймейстера и чиновниковъ, все изъ Французовъ; у самого можетъ душа въ пяткахъ была, и видитъ что его дѣло не выгорить, а все хотѣлъ пылъ въ глаза пустить что своимъ, что намъ. Станетъ тоже бывало городъ объезжать: надо молъ посмотреть, все ли въ порядкѣ; а какіе тутъ порядки, когда одинъ развалины, да пепель, да голь трепетная. Какъ вступалъ онъ въ Москву, такъ начальникъ воспитательнаго дома *) отправился къ одному изъ французскихъ генераловъ и объяснилъ ему, что „молъ у меня въ заведеніи нѣсколько тысячъ дѣтей, потому что не успѣли ихъ вывезти, такъ не дадите ли мнѣ стражу?“ И точно, дали ему французскій караулъ.

Разъ въхалъ Наполеонъ Москвой, да увидалъ воспитательный домъ и спрашиваетъ: „Это что за строеніе?“ Доложили ему и объяснили, что по распоряженію его генераловъ тутъ караулъ стоитъ и остался при заведеніи русской начальницъ Тутолминъ: не хотѣлъ дѣтей покинуть. Сейчасъ послалъ къ нему Наполеонъ потребовать его къ себѣ на другой день въ кремль. Какъ Тутолминъ явился, Наполеонъ сталъ его благодарить, что онъ честно исполнилъ свою должность въ воспитательномъ домѣ.

*) Тутолминъ.

тательномъ домѣ. Значить хотѣлъ показать: „какой я моль милостивый, и русскимъ зла не желаю,“ и говорить: „Напишите вашему императору, что не я жегъ Москву, а его же подданные истребили свою столицу; я же ее пощадилъ бы.“ Не хотѣлъ онъ отъ гордости прямо мира попросить, а издалека рѣчь свою заводилъ. И какой пѣнный ему важный попался, отпустилъ его и тоже приказывалъ дать знать нашему царю: „что я моль русскимъ вреда не дѣлаю, и желаю жить съ тобою въ миру“. Его слова доходили до нашего царя, да только онъ пропускалъ ихъ мимо ушей, потому что съ Бонапартомъ мириться не хотѣлъ.

Сначала-то, какъ пожаловали къ намъ непрощенные гости, думали они всего найти въ матушкѣ! Москвѣ. Вездѣ стоятъ барскіе дома, только войди да живи въ свое удовольствіе, да всѣмъ добромъ распоряжайся. Они съ первой минуты и разѣлись по богатымъ квартирамъ; которая находилась тамъ прислуга, принуждена была ихъ приказанія исполнять, и на первыхъ порахъ они точно ликовали: что подъ руку попадетъ, то и ихъ. Вѣдь надо, дѣтушки, судить побожески; не приходится намъ ихъ строго винить; пришли они къ намъ, сердечные, съ похода, совсѣмъ обносились, а какъ вошли въ Москву, своего провіанта не было, ни своей одѣжи. Такъ оно дѣло понятное, что на наше добро покорыстовались. Опять же начальники не запрещали имъ грабить: знали что прокормить сами ихъ не могутъ. А ужъ тутъ на человѣкъ выскать нечего, когда онъ раздѣтъ да голоденъ; нищій и тотъ именемъ Христовымъ прокормится, а этимъ горемычнымъ къ кому идти? Можетъ на нихъ и Богъ не выщеть. Да не долго пришлось Французикамъ

у насъ отдохнуть, да въ сласть поѣсть; всего 2 денька. Какъ ужь очень-то разыгрался пожаръ, начали они перебираться изъ дома въ домъ, и стало имъ какъ говорится: не до жиру, а быть бы живу. Много погибло и провизій, и того добра что они награбили; ужь тутъ начали они вездѣ бродить: по подваламъ ли, по перевамъ ли, куда только наши спасались, туда и они заглядывали, все себѣ пропитанія да одежды искали; а грѣхъ сказать, что *настоящіе*-то Французы насъ обижали даромъ. Мы ихъ скоро опознавать стали по ихъ рѣчи. Отправятся они бывало на добычу, придутъ куда въ домъ, который не выгорѣлъ, наберутъ себѣ въ мѣшокъ всякой всячины, да кого изъ нашихъ встрѣтятъ на улицѣ, сейчасъ захватятъ и прикажутъ набранныя вещи нести до своей квартиры; многие изъ нашихъ знакомыхъ имъ ноши таскали, такъ они сказывали, что если молъ *настоящіе* Французы, такъ такъ и знай что съ пустыми руками не отпустятъ: напоятъ, накормятъ, когда съѣстнаго съ ними отпустятъ, а когда мелкими деньгами наградятъ. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода: были между ними недобрые люди: иной на руку дерзокъ, безъ суда прибѣтъ, да такихъ было мало. Мы Французовъ зихомъ не помѣнаемъ“.

XII ВЕЧЕРЪ.

„Ну, сидимъ это мы на Орловомъ лугу, да смотримъ на пожаръ, и страхъ насъ разбираетъ. Огонь бушевалъ никакъ шесть дней; какъ утихъ онъ, дядя Трофимъ пошелъ на нашу сторонку, посмотреть что у

насъ дѣлается: долго мы его ждали, а какъ завидѣли его издалека, матушка къ нему такъ и бросилась: „что, говорить, нашъ домъ?“ а онъ говоритъ: „одни обгорѣлые столбы остались!“ Заплакала покойница матушка, и дядя былъ тоже такой угрюмый. И сказывалъ онъ намъ, что вздумалось ему обойти дома знакомыхъ господъ, посмотрѣть не можемъ ли мы куда пріютиться, да которые не выгорѣли, въ тѣхъ непріатели стоятъ; такъ и пришлось намъ оставаться подъ открытымъ небомъ. Сначала непріателей къ намъ хаживало не много; придуть, бывало, обойдутъ Орловъ лугъ и что имъ приглянется—стащатъ: платокъ ли съ кого, съѣстное ли что; всякій радъ имъ отдать, лишь бы только они ушли, а тутъ все чаще заглядывать къ намъ повадились; провизія-то вездѣ ужъ убывать стала, такъ они бродили и отыскивали себѣ добычи, да иной разъ мало того что добро заберутъ, пожалуй что и обидятъ. Опять же погода стала холодная и около насъ припасы ужъ совсѣмъ перевелись; ляжешь, бывало, на сырую землю, да во всю ночь глазъ не сомкнешь, потому что не попадетъ зубъ на зубъ. Перебивались мы этакъ больше двухъ недѣль, — а тутъ ужъ многіе стали съ Орлова луга расходиться, искали тоже себѣ крова. У покойницы матушки были знакомыя монахини въ Зачатіевскомъ монастырѣ, и послали мы туда дядю Трофима посмотрѣть, не отведутъ ли онѣ намъ какого уголка; дядя Трофимъ вернулся съ плохими вѣстями и поразсказалъ намъ что видѣлъ, что слышалъ въ Зачатіевскомъ монастырѣ.

Какъ узнали, говорить, что идетъ Наполеонъ на Москву, которыя изъ монахинь ушли изъ обители, а игуменья осталась и съ ней около 80 сестеръ. Свое добро онѣ уложили въ сундуки, а сундуки вынесли въ

склепъ, вырытый подъ часовней. Церковное имущество тоже спрятали: перестраивали тогда въ монастырѣ соборную церковь; не успѣли еще весь полъ устлать плитами и въ отверстіе что оставалось игуменья все припрятала, да велѣла завалить мусоромъ. А что было нужно для богослуженія, то осталось на престолѣ въ другой церкви, потому что игуменья и священникъ не прекращали церковной службы. Монастырскія ворота приказано было запереть.

Какъ сталъ пожаръ подходить къ обители, всѣ очень перепугались: все выгорѣло кругомъ. Сосѣдніе жители приносили свое добро и ставили его въ церкви. Французы вошли къ намъ въ понедѣльникъ, а въ среду отпѣвали въ Зачатіевскомъ монахию. Лишь только вынесли ея гробъ изъ церкви, увидали что непріатели перелѣзаютъ черезъ монастырскія стѣны; игуменья и сестры такъ перепугались, что оставили гробъ на паперти, а сами бросились въ храмъ и заперли за собой дверь. Непріатели стали стучаться: игуменья приказала отпереть. Они ворвались въ церковь и начали ее грабить. Въ это время загорѣлся монастырь; солдаты схватили все награбленное добро и ушли.

Пришлось и монахинямъ покинуть обитель: добѣжали онѣ до Крымскаго моста, да вдругъ увидали, что по другому берегу идетъ толпа непріателей; онѣ остановились, подумали и на власть Божию бросились назадъ въ монастырь. Келліи уже загорались, онѣ были деревянные; однако оставалось спасеніе въ каменной церкви, гдѣ предъ тѣмъ шло богослуженіе. Монахини въ нее бросились, и священникъ за ними. Приказала игуменья накачать воды изъ колодца и заливать окна. Дружно принялись за дѣло, а огонь все ближе да ближе, такъ что ужъ къ колодцу опасно стало ходить,

опять же всё утомились, силъ больше не хватало. Видять монахини — умирать надо, и стали онѣ обнимать другъ друга, значить заживо прощались, а игуменья обратилась къ священнику и говорить: „отецъ мой, смертный часъ насталь, прочтите намъ отходную“. Всѣ опустились на колѣна, а священникъ сталъ предъ царскими дверьми и началъ читать молитву. Голосъ его дрожаль, а вокругъ него всѣ рыдали.

Да видно Господь не до конца покинулъ горемычныхъ. Когда занялся пожаръ, да ушли онѣ изъ монастыря и добѣжали до рѣки, одна изъ нихъ—монахиня Перфирія—шла впереди. Увидала она на томъ берегу знакомую ей барыню *), перебѣжала черезъ мостъ и стала просить ее о помощи; барыня говорить: вотъ тутъ не далеко стоитъ французскій начальникъ, всѣ его очень хвалять, пойдѣмъ къ нему, я съ нимъ объяснюсь. Пошли онѣ къ нему, и барыня ему рассказала, какъ солдаты напали на монастырь. А онъ говорить: „Что жъ тутъ дѣлать, ужъ если имъ разрѣшенъ грабежъ? Я же, говорить, на сколько могу радъ помочь“. И велѣлъ онъ сейчасъ своимъ солдатамъ идти въ монастырь распорядиться. Они какъ пришли, такъ увидѣли изъ оконъ, что монахини толпятся въ церкви и стали стучаться, а постучались они когда уже священникъ доканчиваль отходную молитву. Изъ монахинь были и господа: они по-французски говорили, и то-то обрадовались, когда солдаты имъ объяснили, что спасутъ ихъ отъ лютой смерти, и отведутъ къ начальнику: онъ, молъ, вамъ дастъ убѣжище. Всѣ къ нему пошли: принялъ онъ ихъ ласково, и велѣлъ имъ

*) Графиня Екатерина Петровна Зотова, урожденная Загражская.

отвести комнату въ домѣ, гдѣ самъ стоялъ. А дня черезъ три ему пришлось самому переходить на другую улицу, а онѣ вернулись въ свой монастырь. Какъ вошли, такъ себя отъ горя не вспомнили: тѣло монахини, что не успѣли еще похоронить, стояло на паперти и все обуглилось; келліи ихъ выгорѣли, а добро было разграблено. Онѣ поселились кое-какъ въ церквахъ; къ нимъ наши толпы мірянъ: тоже спасались отъ огня и неприятеля. Служили что не день обѣдню, и за каждой обѣдней много было причастниковъ: всякій готовился на смерть.

Какъ выслушали мы всѣ эти страсти, дядя Трофимъ говоритъ: „Какого же тамъ покоя ждать? Видь у нихъ въ церкви окна даже не вставлены. Ходить тамъ вѣтеръ что въ полѣ. Насчетъ съѣстнаго тоже большую нужду терпять; ужь не лучше ли намъ посмотрѣть въ Дѣвичьемъ монастырѣ; хоть оно и не ближній край, почитай что черезъ всю Москву идти придется, да авось Господь поможетъ. Не знаю, правда ли вѣтъ ли, а говорятъ что тамъ, по милости Господней, все благополучно.“

Казначей Дѣвичьяго монастыря Сарра Николаевна ѣзжала къ нашимъ господамъ и мы ее знали: рѣшили что на другой день дядя Трофимъ къ ней пойдетъ“.

ХІІІ ВЕЧЕРЪ.

„Дядя Трофимъ пустился въ путь на другой день ранехонько, а вернулся ужь къ вечеру. „Ну, говоритъ, слава Богу, посылаетъ намъ Господь готовый кровъ и готовый кусокъ. Сарра Николаевна велѣла намъ

приходить. Стоять у нихъ въ монастырѣ Франгузы, да грѣхъ сказать, мирно живутъ, и обиды отъ нихъ никакой не видать. Я, говорить, такъ думаю, что вздохну я теперь часикъ-другой, да и съ Богомъ; лучше намъ идти ночью, пока непріятель не шляется по улицамъ. Лишь только стемнѣло, поднялись мы съ Орлова поля. Тогда въ Москвѣ не было темныхъ ночей: горячіе уголья дорогу освѣщали. На пути отдыхали мы раза два: домикъ ли какой уцѣлѣлъ, мы сядемъ на крылечко, потомъ гдѣ на голой мостовой приляжемъ. Никого мы не повстрѣчали кромѣ своихъ Русскихъ: непріятелямъ запрещено было отъ своего начальства ночью по городу бродить; потому и наши этимъ временемъ провизію отыскивали. То-то перекрестились мы, какъ дошли до монастыря! Дядя Трофимъ провелъ насъ прямо къ казначеѣ, — добрая душа была, царство ей небесное! Ужь она слышала отъ дяди про все наше горе и таково ласково насъ приняла: „Чѣмъ же, говорить, угостить васъ, дорогіе гости?“ А ужъ намъ не до угощенія, такъ умазались что еле на ногахъ стоимъ. Уложили насъ спать. Какъ очутилась я въ постелѣ, да подъ теплымъ кровомъ, мнѣ показалось что я въ раю небесномъ, и такъ крѣпко заснула. Проснулась я,—и вижу что матушка да Арина Ефимовна ужъ поднялись и обѣдъ стоитъ на столѣ. Боже мой, какъ мы обрадовались теплой похлебкѣ и свѣжему хлѣбу! Никогда, кажется, мы такъ вкусно не ѣдали. А казначея глядитъ на насъ, да посмѣивается: „Кушайте, говорить, кушайте на здоровьѣ. Тѣсненько вамъ у насъ будетъ, да провизіи-то, слава Богу, на всѣхъ станетъ.“ Тутъ стала она намъ рассказывать, какъ поселились къ нимъ Франгузы.

Послѣ Бородинской битвы игумень: выѣхала изъ

Москвы и увезла съ собой всё монастырскія сокровища. Многія изъ сестеръ тоже увъхали съ ея разрѣшенія, а монастырь и братію, что въ немъ оставалась, она поручила казначеѣ. Въ монастырь держали лошадей и была кузница, а подъ ней подваль; въ этотъ подваль монахини поставили всё свои сундуки, а входъ заложили кирпичами, такъ какъ самая кузница была сложена изъ кирпичей. Монастырскія ворота заперли.

Дня три послѣ входа непріятеля въ Москву слышать монахини шумъ на Дѣвичьемъ полѣ, заглянули изъ высокаго окна и видать, что двѣ пушки выдвинуты противъ стѣнъ обители и толнится около нихъ множество солдатъ. Одинъ Французъ подставилъ лѣстницу къ стѣнѣ, влѣзъ на нее, спустился по веревкѣ на монастырскій дворъ и показываетъ, что надо ворота отпирать. Дѣлать нечего, отперли. Вошли трое; ихъ встрѣтили священникъ и казначея, да двѣ старыя монахини, а всё остальные попрятались по келліямъ. Священникъ былъ ученый и умѣлъ съ Французами объясняться.

Ихъ начальникъ говоритъ: „Вашъ монастырь болѣе на крѣпость похожъ, и мы собрались было въ него пострѣлять, а теперь вы намъ его покажите“. Повелъ ихъ батюшка все осматривать, а какъ они ушли, вернулся къ монахинямъ и говоритъ: „Они хотятъ въ монастырь подкѣ поставить. Неизвѣстно какое намъ Господь испытаніе готовить: какъ бы насъ смерть врасплохъ не застала. Не приобщиться ли намъ? Всего теперь по обряду мы исполнить не можемъ, а пусть каждая изъ васъ правило сама прочтетъ и помолится.“

Приготовились онѣ и на другой день собрались въ церковь и приобщились; а тамъ стали ждать, что по-

шлетъ имъ Господь. Дней черезъ пять Франгузы у нихъ поселились: нѣсколько келлій имъ оставили, всѣ прочія заняли сами. Церковную службу велѣли справлять по-прежнему, жили мирно въ монастырѣ и никто отъ нихъ обиды не видалъ. Провизій много они туда навозили. Если какая нужда до нихъ была, священникъ, казначей либо который изъ старшихъ монахинь шли прямо къ ихъ начальнику, и подь конецъ съ ними такъ сжились сестры, что бояться ихъ перестали.

Разсказала это все намъ казначей и говорить: „оставайтесь у насъ, благо здѣсь живется мирно и безобидно“, а мы ужъ и не знали какъ Бога благодарить, что привелъ Онъ насъ подь кровъ и послалъ намъ такихъ добрыхъ людей. Мы сами привыкли скоро къ Франгузамъ: съ кѣмъ бывало встрѣтятся на монастырѣ, всегда учтиво обойдутся. Заказывали они иной разъ бѣлошвейную работу сестрамъ и хорошую цѣну имъ платили, а полотно изъ нашихъ же домовъ и лавокъ таскали. То и дѣло они привозили въ монастырь награбленнаго добра, и склады свои завели, словно на вѣки тутъ поселились. Каждый день въ 12 часовъ подымался у нихъ барабанный бой, всѣ они собирались и была имъ раздача вина. Начальникъ дѣлалъ имъ частехонько смотры, а мы бывало изъ оконъ на нихъ глядимъ. Въ монастырской трапезѣ лежали ихъ больные; казначей и старушки за ними ходили, и они ихъ такъ бывало благодарятъ: какъ только завидятъ такъ скажутъ: „Русски добри, добри“. Нечего сказать, мы съ ними жили въ ладахъ“.

XIV ВЕЧЕРЪ.

— Федосья Семеновна, спросилъ Алёша, гдѣ же этимъ временемъ наша армія стояла? Какъ же это свѣтлѣйшій князь Кутузовъ позволилъ окаянному Наполеону такъ въ Москвѣ распорядиться? и даже застрасти ему не далъ?

— А потому, отозвалась Федосья Семеновна, что Князь помнилъ поговорку: „тише ѣдешь, дальше будешь“. Пока Наполеонъ стоялъ въ Москвѣ, нападать на него не приходилось, чтобы даромъ крови не проливать. Князь говорилъ частехонько: „за десятерыхъ Французовъ я не пожертвую ни однимъ Русскимъ.“ Онъ твердо зналъ, что супостатъ отъ него не уйдетъ: ужъ ему теперь податься некуда было; либо ему поскорѣе восвояси убираться, либо могъ онъ еще задумать въ наши хлѣбородныя губерніи пробраться. Тогда ему путь лежалъ на Тулу либо на Калугу. Потому, когда наши войска проходили Москвой 2-го сентября, князь вывелъ ихъ сперва на рязанскую дорогу, чтобы только обмануть непріятеля, „пусть молъ, они меня на рязанской ищутъ“, да съ нею и повернулъ на калужскую. Тутъ онъ остановился въ селѣ Тарутинѣ, разбилъ свой лагерь и сталъ ждать Бонапарта.

— А почему зналъ князь, Федосья Семеновна, что Бонапартъ либо на Тулу либо на Калугу пойдетъ? Ну кабы онъ на питерскую дорогу пробрался?

— Не бось, не такъ онъ былъ глупъ. Вѣдь онъ зналъ, что чѣмъ ближе къ Питеру тѣмъ холоднѣе и что въ

этихъ мѣстахъ хлѣбъ плохо родится. А его солдаты ужь и такъ успѣли осенью назябнуться и наголодаться. Надо было ему туда ихъ вести, гдѣ мѣста урожайныя и гдѣ солнышко пригрѣваетъ. Вѣдь ужь того бѣдные натерпѣлись, что жаль объ нихъ подумать: которые въ Москву вошли, не всѣ тутъ оставались, а бродили цѣлыми отрядами гдѣ попало и отыскивали провіантъ. Слышали они, что въ Троицкой Лаврѣ много богатства, и задумали туда пробраться. До двухъ разъ пытались, а тогда густой былъ лѣсъ по дорогѣ къ Троицѣ: они боялись съ пути сбиться и взяли въ проводники нашихъ крестьянъ. Да нешто у русскаго человѣка хватить духа выдать врагу нашу святыню? Запутаетъ ихъ проводникъ въ лѣсу, а на дворѣ осенній холодъ да туманъ; бродятъ они бродятъ, и рады радехоньки когда выберутся опять на московскую дорогу. Въ деревню ли куда придуть—либо она пустая стоитъ и поживиться нечѣмъ, либо крестьяне выйдутъ на супостатовъ съ вилами да съ рогатинами и не дешево уступятъ свое добро. Сначала-то, когда были непріатели еще не такъ изнурены, да не привыкли наши съ ними ладить, кормились они грабежемъ, да не долго: скоро стали наши ихъ избивать и забирать въ плѣнъ цѣлыми толпами. Очищать какой-нибудь сарай, да туда ихъ и насажаютъ. Иной разъ жестоко съ ними обращались, забывали всякое милосердіе, а чаще всего жалѣли, и женщины приносили имъ пищи и чѣмъ покрыться. Случалось тоже, что приходили наши казаки и ихъ перестрѣливали, и бабъ всѣ отъ страха да отъ жалости разбѣгутся либо попрятчутся по угламъ. Да скоро пришелъ приказъ отъ начальства, чтобы плѣнныхъ разстрѣливать не смѣли, а присылали бы ихъ въ города.

Тѣмъ временемъ князь все стоялъ лагеремъ въ Тарутинѣ, и казацкій атаманъ графъ Платовъ привелъ къ нему съ Дону цѣлыя полки своихъ удалцовъ. Многіе изъ военныхъ явились къ князю съ челобитной: „позвольте, молъ, намъ взять по горсточкѣ казаковъ и идти на непріятельскіе отряды; нашу армію оно ослабить не можетъ“. Князь согласился и далъ кому по 40, кому по 50 казаковъ. Къ нимъ приставали отовсюду всякаго званія люди: мѣщане, крестьяне, дворовые; всѣ вооружились чѣмъ попало. Зарево московскаго пожара видно было за сто верстъ кругомъ; всѣ плакали на него глядя и всѣмъ хотѣлось отмстить за родную Москву. Въ городахъ и въ селахъ, откуда не выбрался народъ, стояли на колокольняхъ часовые, стерегли издали непріятеля и нападали на него дружно. Наше войско отдыхало и готовилось на большія сраженія, а эти отряды ему помогали, забирали въ плѣнъ Французовъ и частехонько перехватывали гонцевъ, что Наполеонъ посылалъ къ своимъ военнымъ начальникамъ, которые искали добычи въ Москвѣ. Война, что вели противъ Французовъ эти казацкіе и крестьянскіе отряды, называется партизанской войной, а начальники ихъ партизанами; самые изъ нихъ извѣстные: Сеславинъ да Фигнеръ. Ужъ такой былъ удалецъ этотъ Фигнеръ, что самого, кажется, бы чорта одолѣлъ. Наполеоновскіе солдаты боялись его какъ огня: переодѣнется онъ бывало въ ихъ мундиръ и явится среди непріятельскаго отряда, благо по-французски-то говорилъ онъ хорошо. Либо развѣдаетъ отъ нихъ что ему нужно, либо расскажетъ, что слышно здѣсь не подалеку Фигнеръ стоитъ, и не худо бы отъ него подалше убраться, да наведетъ ихъ на своихъ молодцовъ, а они ихъ всѣхъ и заберутъ. Разъ чуть было въ бѣду не

попалъ: стоялъ онъ со своими ребятами въ лѣсу; Французы окружили его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны болото, такъ что податься некуда. Да къ счастью непріатели очень умаялись, ночь ужъ подходила, и расположились они поужинать, да отдохнуть, потому моль теперь Фигнеръ отъ насъ уже не уйдетъ. А Фигнеръ говоритъ своимъ ребятамъ: „Вздоръ! не сдадимся мы Французамъ; перебить ихъ нельзя, такъ перехитрить можно. Я васъ всѣхъ выручу.“ Взялъ онъ шесть, да и пустился по болоту; гдѣ ему кочки помогутъ, гдѣ шесть его выручить. Выбрался онъ благополучно на поляну, добѣжалъ до перваго села и всѣхъ мужиковъ на ноги поставилъ: „живо, говорить, надо своихъ спасать.“ Приказалъ онъ крестьянамъ набрать досокъ, соломы, хворосту и повелъ ихъ къ болоту. Устроили они живо гать, всѣ фигнеровскіе люди по ней прошли и лошадей своихъ провели. „А теперь, говоритъ Фигнеръ, разоримъ нашу переправу; все убрать чтобы погони за нами не было.“ Какъ проснулись Французы, да видятъ что Фигнеръ да его ребята и слѣда по себѣ не оставили, такъ диву дались и рѣшили что должно быть Фигнеръ съ нечистымъ водится. Много разъ выручала его сила крестная, а все-таки кончилъ онъ тѣмъ, что положилъ головушку на службѣ родной землѣ.

Подходилъ уже конецъ сентября; видѣлъ Наполеонъ что Русскіе и думы не держатъ о мирѣ, а его армія таетъ что снѣгъ на солнышкѣ. Въ одной Москвѣ, пока онъ здѣсь стоялъ, погибло у него до 20 тысячъ чело-вѣкъ, которые болѣзнию да голодомъ, а которыхъ наши на тотъ свѣтъ отправили. Сказывала мнѣ одна старушка знакомая, что погорѣлъ у нихъ домъ и приютились они въ чужой подвалъ, туда же нашло много

и другихъ скитальцевъ; питались они какъ и мы отъ огородовъ, да отъ сосѣднихъ погребовъ. Не подалеку былъ вырытъ прудъ, а на дворѣ стояли два колодезя. Въ этотъ, говорить, прудъ да въ оба колодезя много побросали мы непрошенныхъ гостей. Придетъ ихъ; бывало, человекъ пять, обшарять вездѣ, и мы ничего—смотри, благо на пустое мѣсто пришелъ развѣ съ кого платчишка стащатъ. А ужь если заобижать вздумаютъ, мы съ ними сладимъ: ни одного живаго не выпустимъ; хоть и жаль, да своя-то голова дороже: побьютъ бы ихъ и отпустили, да вѣдь они, пожалуй, пойдутъ и съ сердцовъ-то наведутъ къ намъ цѣлую стаю своихъ, да насъ же всѣхъ передушатъ. Ну, и убьемъ до смерти.

Вотъ и рѣшился Бонапартъ самъ ужь на прямикъ просить мира у нашего царя, и послалъ онъ своего генерала въ тарутинскій лагерь къ князю Кутузову, а посоль-то этотъ, чтобъ его не убили, взялъ съ собой солдатъ да трубача, да бѣлый платокъ навязалъ на палку. Ужь такъ обыкновенно водится, что если кого посылаютъ на переговоры къ непріателямъ, такъ передъ нимъ трубятъ, и ѣдетъ онъ съ бѣлымъ флагомъ, и никто ужь на него не нападетъ. Явился онъ въ Тарутино и велѣлъ просить князя, чтобъ онъ его принялъ. Въ Тарутинѣ тоже было нашимъ не разливанное море. Начальники разумѣется и богатые люди при себѣ поваровъ держали и провизія съ ними была, а солдатамъ подвозили сухарей да муки изъ окрестныхъ губерній, да не всегда этого провіанта вдоволь хватало: вѣдь не шутка накормить 75 тысячъ человекъ. А князю не хотѣлось послу-то показать, что мы въ чемъ нуждаемся, и велѣлъ онъ ему сказать, что молъ теперь мнѣ не досужно васъ принять, а вечеромъ ми-

лости просимъ, — а своимъ генераламъ говорить: „надо Французу пустить пыль въ глаза; велю къ вечеру убрать палатку и ужинъ приготовить; ужь вы, господа, не поскунитесь, что у кого въ печи — на столъ мечи, чтобы не зналъ Бонапартъ объ нашихъ недостаткахъ“. Сейчасъ наносили къ князю кто вина, кто чего съѣстнаго и палатку тоже убрали на диво, коврами ее устлали, да освѣтили что церковь въ праздничный день; собрались туда начальники и офицеры, мундиры на нихъ всѣ шиты серебромъ да золотомъ, и какъ вошелъ наполеоновскій посоль, видитъ, — въ русскомъ лагерьѣ пиръ горой горитъ. Свѣтлѣйшій всталъ къ нему на встрѣчу, поздоровался и спрашиваетъ: „какъ здоровье вашего императора?“

Тотъ поблагодарилъ и говоритъ: „слава Богу моль, здоровъ, и прислалъ меня съ вами объ дѣлѣ переговорить.“

А князь ему опять: „какъ наша Москва понравилась его величеству Наполеону?“

Тотъ бѣдный смутился: „Москва-то, говоритъ, хороша, да не очень хлѣбосольно насъ встрѣтила. Сдѣлайте одолженіе, ваша свѣтлость, извольте принять письмо моего государя и выслушать меня.“

Князь принялъ письмо, а самъ его даже не распечатываетъ и опять спрашиваетъ:

„Слышали мы, что вы въ Москвѣ театръ устроили; правда ли, что вашъ императоръ выписываетъ комедіантовъ изъ Франціи?“

Видитъ посоль, что ему князь такую насмѣшку дѣлаетъ и совсѣмъ растерялся.

„Ваша свѣтлость, говоритъ, самого Бога ради, извольте письмо прочесть и меня выслушать.“

Наполеонъ писалъ къ князю, что очень его уважаетъ и приказалъ своему генералу переговорить съ нимъ объ важномъ дѣлѣ. Прочелъ это князь и спросилъ посла, по какому дѣлу онъ пріѣхалъ.

„Наполеонъ, говоритъ генералъ, желалъ бы знать на какихъ условіяхъ императоръ Александръ согласится покончить войну и заключить миръ.“

Такъ и вскрикнулъ князь: „какъ покончить войну, да она только началась; а еслибъ и теперь заговорилъ объ мирѣ, меня бы проклиналъ мой народъ. Вы это передайте вашему императору,“ да съ тѣмъ его и отпустилъ.

— Экой молодецъ былъ князь Кутузовъ, воскликнулъ Алеша.—Ну, а Бонапартъ-то что жь, Федосья Семеновна?

— Бонапартъ Бонапартомъ, отозвалась старушка,— а на дворѣ-то позднехонько. Прощайте, дѣтушки, дастъ Богъ завтра дальше услышите.

XV ВЕЧЕРЪ.

„Какъ вернулся посоль съ отвѣтомъ князя Кутузова, еще пуще обозлился Наполеонъ. Ужъ убираться бы ему скорѣй изъ Москвы, а онъ словно совсѣмъ ошалѣлъ: приказаній никакихъ не отдаетъ, а знай себѣ расхаживаетъ по кремлевскому дворцу; никто изъ его генераловъ подступиться къ нему не смѣлъ, перешептывались они между собою, да только плечами пожимали и ждали бѣды неминуемой. Такъ прошло нѣсколько дней; ужъ тутъ Наполеонъ словно очнулся и приказалъ начальникамъ, чтобы войска готовились къ выступленію.“

Разнесли гонцы по всему городу это приказаніе, и пошла вездѣ суматоха: подняться-то имъ было не легко, сколько ихъ ни выбыло, все таки тысячъ сто слишкомъ оставалось въ Москвѣ. А тѣмъ корпусамъ, что онъ отрядилъ по разнымъ губерніямъ, онъ послалъ приказъ, чтобъ они ждали его на пути, а также и тѣмъ, которые должны были подвезти ему въ Смоленскъ вродовольствіе людямъ и лошадямъ. Пока еще шли приготовления къ выступленію, Наполеонъ объявилъ, что сдѣлаетъ смотръ своей гвардіи; она всегда при немъ была и стояла въ кремль. Это было отборное войско и самое его любимое, оно содержалось много лучше другихъ, недостатковъ даже не видало: что добудутъ провіанту, то ему достанется, а прочіе ужъ подъ конецъ галокъ стрѣляли и ѣли лошадиное мясо да кошечь. На смотру залюбовался Наполеонъ своими удалцами. Пока онъ объѣзжалъ ряды, услышали его генералы далекую пальбу: гремѣло съ той стороны, гдѣ находился Наполеоновъ зять съ 25 тысячнымъ корпусомъ. Этого своего зятя Наполеонъ вѣнчалъ королемъ и далъ ему цѣлое государство. А изъ Москвы послалъ его съ войскомъ разузнать о нашей арміи и о распоряженіяхъ князя Кутузова. Пальба не умолкала, и генералы сообразили, что должно быть идетъ борьба горячая между королемъ и нашими и сильно сробѣли. Одинъ изъ нихъ подошелъ скрѣпя сердце къ Наполеону и докладываетъ ему, что съ такой-то молъ стороны пушки гремятъ. Онъ прислушался и весь измѣнился въ лицѣ, а показать ему не хотѣлось, что у самого можетъ всѣ жилки дрожать, и продолжалъ смотръ: „любуйтесь, молъ, какой я молодецъ.“ Солдатами онъ остался доволенъ, поблагодарилъ ихъ, отпустилъ, вернулся во дворецъ и спросилъ завтракать. Тутъ вдругъ,

говорить: „надо бы театромъ позаняться,“ а самому должно быть не до театра. Пока онъ выслушивалъ докладъ да дѣлалъ распоряженія о театральныхъ представленіяхъ, прискакалъ запыхавшійся гонецъ отъ короля и привезъ недобрый вѣсти. Приказывалъ король донести Бонапарту: „наткнулся, молъ, я на русской лагерь, выслалъ на меня князь Кутузовъ нѣсколько полковъ и они разбили меня на голову подъ самымъ Тарутинымъ. Бѣгу, дескать, я безъ оглядки назадъ къ Москвѣ, и самъ не знаю много ли уцѣлѣло отъ моего войска.“ Выслушалъ это Бонапартъ, и куда бодрость вся его пропала; себя онъ не вспомнилъ: „выступать, говорить, завтра же выступать!“

И выступилъ на другой день 7-го октября со своей арміей; такъ заторопился что даже свои бумаги забылъ на столѣ, а какъ спустился съ дворцоваго крыльца, говорить своимъ солдатамъ: „снимите крестъ съ Ивановской колокольни; хочу я его взять съ собой.“ Многіе изъ нашихъ видѣли какъ шли французскіе полки; не такіе они, сердечные, входили въ Москву. Кромѣ одной гвардіи, всѣ смотрѣли нищими: изнуренные да въ лохмотьяхъ. Кто прикрылся женской шубкой, кто поповской ризой, у кого одна нога въ сапогъ, а другая босая: жаль просто смотрѣть. Шли за ними пушки, фуры, повозки безъ конца, такъ что армія съ обозомъ тянулась на цѣлыя 30 верстъ.

Видятъ наши, что непріятель очистилъ городъ, а радоваться все еще не смѣютъ: извѣстно было, что не все свое войско Наполеонъ отъ насъ увелъ. Въ кремлѣ стоялъ отрядъ, у насъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ тоже солдаты, да еще кое-гдѣ. Между тѣмъ прошелъ слухъ, будто остались они чтобы взорвать Москву, и многіе

Французы предупреждали Русскихъ чтобъ они уходили по-добру по-здорову.

Видимъ мы въ монастырѣ, что и наши солдаты поднялись, суетятся, укладываютъ, увязываютъ, а намъ не сказываютъ ничего. Пошелъ батюшка къ ихъ генералу и говоритъ ему: „такъ и такъ, молъ, вотъ какіе слухи до насъ дошли.“ А генераль ему говоритъ: „уходите, и молитесь за своихъ.“ Батюшка его слова намъ пересказалъ. Всѣ старшія монахини, да и изъ молодыхъ которыя говорятъ: „мы дали Богу обѣтъ здѣсь жить и умереть; да будетъ Его святая воля: мы отсюда не поидемъ.“ Ушли отъ страха всего три молоденькія монашенки изъ монастыря. У одной изъ нихъ жила родственница не далеко отъ Москвы, такъ онѣ къ ней и пробрались. Остались и мы въ Дѣвичьемъ; матушка и Арина Ефимовна тоже рѣшили: „на власть Божию; отъ Его воли не укроешься“.

Прискакалъ гонецъ къ нашимъ Французамъ и приказалъ имъ выступать. Дѣло шло къ вечеру. Видимъ мы, что они собираются, да такъ и обмираемъ: что молъ съ нами будетъ? Какъ собрались они совсѣмъ, да подошли къ воротамъ, ихъ генераль говоритъ батюшкѣ: „уходите скорѣй и молитесь.“ И приказалъ одному изъ солдатъ зажечь винную бочку, что около собора стояла,—они ужъ впередъ ее тутъ поставили. Какъ вспыхнуло вино, они всѣ вонъ, а наши смотрять, не знаютъ со страха что дѣлать и только Бога призываютъ на помощь. Да вдругъ опомнились, да бросились вытаскивать изъ склепа пороховыя бочки и стали ихъ заливать водой. Славу Богу, что въ склепѣто нѣсколько ходовъ. А вино все выгорѣло и разлилось по землѣ, да къ счастью на дворѣ было тихо, а огненные ручьи заливали, не давали имъ добѣжать до

деревянныхъ строеній. Какъ съ этой бѣдой покончили, бросились по келліямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріатели. Тамъ во многихъ мѣстахъ была разложена солома, а въ нее воткнуты зажженные свѣчи. Богъ помиловалъ: все успѣли погасить. Не удалось супостату погубить Москву до конца. Кое-гдѣ, правда, вспыхивали пожары, да видно у иныхъ изъ его начальниковъ, что здѣсь оставались, былъ крестъ на шеѣ: страшно имъ стало на такое злодѣйство пойти. Одинъ стоялъ въ почтамтѣ и получилъ приказъ его поджечь, а не послушался. Его подчиненные говорятъ: „подождемъ, какъ бы намъ въ отвѣтъ не быть, да къ счастью оставались тутъ же въ почтамтѣ и ѣсколько нашихъ Русскихъ; собрали они послѣднія свои деньги и отдали ихъ Французамъ, лишь бы только они зданія не истребляли.“

А генералъ, что стоялъ въ кремлѣ, не побоялся грѣха: сталъ онъ рыть подкопы подъ кремлевскія стѣны и пороховыя бочки подъ нихъ поставилъ. Захватилъ злодѣй нашихъ же Русскихъ и велѣлъ надъ этимъ дѣломъ работать. У нихъ, сердечныхъ, руки просто не поднимаются: „погибай молю все, да хоть не черезъ насъ.“ Да какъ ни горько, а копай: окаленные-то тутъ стоять, и лишь увидать, что кто плохо работаетъ, прикладами ружей бьютъ. Какъ все это дѣло покончили, велѣлъ генералъ принести длинные фитили: однимъ концемъ ихъ втыкали въ порохъ, а другой поджигали; пока еще огонь не успѣлъ до пороха добѣжать, убрались Французы по-добру по-здорову, и нашихъ съ собой взяли, чтобъ они этихъ грѣшныхъ работъ не уничтожали, а отпустили ихъ лишь когда раздался взрывъ.

Случилось это въ ночь съ 10-го на 11-ое октября. Улеглись мы всѣ спать, вдругъ раздался такой взрывъ,

что земля подъ нами заходила. Мы совсѣмъ обезпанивались, думали, что послѣдній часъ насталъ. Вскочили съ постель, другъ друга ищемъ, другъ друга кличемъ въ темнотѣ, и выбѣжали всѣ на монастырскій дворъ; потомъ раздался второй взрывъ, потомъ третій, но эти два были много слабѣе перваго. Ужь не разказать, въ какомъ страхѣ провели мы остатокъ ночи: столпились въ кучку, молимся и плачемъ. Поутру мы узнали, что взрывъ былъ въ кремль и что послѣдніе непріатели оставили Москву.

Дядя Трофимъ ходилъ въ кремль, и какъ вернулся, рассказывалъ намъ всякія страсти: улицъ даже признать нельзя было, вездѣ обгорѣлыя столбы да горячіе угля; тутъ же валяются трупы человѣческіе либо лошадиныя: кремлевскія стѣны были мѣстами разрушены, а гдѣ стоялъ дворецъ, тамъ лежали груды кирпичей и тлѣлись бревна. Площади были покрыты известью, листовымъ желѣзомъ сорваннымъ съ крышъ и кирпичами; они отъ взрыва разлетѣлись во всѣ стороны и сосѣднія улицы были ими обсыпаны. Заглянулъ дядя Трофимъ въ соборы, тамъ лежали на полу ободранные образа и мертвыя лошади. Около Успенскаго стояли горны, въ нихъ супостаты плавилъ серебро и золото, что у насъ награбили. А изъ Архангельскаго Наполеонъ сдѣлалъ кладовую: въ углу еще стояли нѣсколько мѣшковъ съ провизіей: должно быть Французы ихъ забыли.

Наши начали выползать изъ своихъ норъ. У кого уцѣлѣлъ кровь, тотъ подъ него вернулся, а кто пріютился въ пустой домъ: гдѣ искать хозяевъ—войди кто хочетъ да и живи. Сердце надрывалось взглянуть на Москву, а еще тутъ послѣ чужихъ воровъ явились свои. Изъ сосѣднихъ селъ пріѣхали крестьяне грабить послѣднее, входили въ дома и все забирали и накла-

дывали на свои подводы: не дрогнула рука поживиться слезами да горемъ своихъ. Которые изъ казаковъ явились къ намъ только-что вышелъ Наполеонъ, не мало имъ тоже помогали; цѣлыхъ три дня разбойничали они безсовѣстно по Москвѣ, да тутъ ужь, слава Богу, подошла полиція; отобрали у мошенниковъ все добро, что они не успѣли еще укрыть, а на ихъ подводы приказали наваливать трупы. Ихъ жгли огромными кучами на берегу рѣки или въ полѣ за заставами. Вѣрно было рынки открыты. Кремль былъ запертъ никакъ три мѣсяца, поѣа въ немъ все въ порядокъ приводили.

Какъ только все немножко успокоилось, стали мы собираться въ путь-дорогу. Дядя Трофимъ нанялъ намъ большую бричку, мы все въ нее усѣлись и покатали по столбовой. Не добрыя вѣсти везли мы нашимъ господамъ, а Богъ знаетъ какъ обрадовались, когда очутились во своясяхъ.

— А Бонапартъ то что же, Федосья Семеновна? спросила Маша.

— А онъ еще не скоро во своясяхъ очутился: та дорожка что передъ нимъ лежала много труднѣе была нашей.

XVI ВЕЧЕРЪ.

„Хотя Наполеонъ и приказалъ, чтобъ ему въ Смоленскѣ было готово продовольствіе, а по смоленской дорогѣ онъ не пошелъ,—помнилъ, что она разорена въ пухъ и въ прахъ. Когда выѣдешь изъ Москвы, калужская дорога лежитъ налѣво отъ смоленской и все

помаленьку съ ней расходится. Наполеонъ задумалъ идти по Калужской. Онъ такъ рассчитывалъ, что тутъ найдетъ чѣмъ прокормить армію, отдохнетъ въ уѣздномъ городкѣ Малоярославцѣ, дальше обойдетъ тарутинскій лагерь, проберется въ Калугу—тамъ опять готовый запасъ—а ужъ изъ Калуги дастъ крюкъ и придетъ на все готовое въ Смоленскъ.

Тѣмъ временемъ князь Кутузовъ все стоялъ въ Тарутинѣ и отправлялъ по разнымъ сторонамъ отряды, чтобъ они наблюдали за неприятелемъ. Однимъ отрядомъ командовалъ генералъ Дохтуровъ и было у него подъ ружьемъ нѣсколько тысячъ человекъ. Онъ стоялъ около калужской дороги, не далеко отъ Малоярославца, и увидалъ какъ идетъ, что черная туча, наполеоновская армія. Дохтуровъ отправилъ съ этой вѣсточкой тотчасъ гонца къ князю Михаилу Иларіоновичу. Гонецъ прискакалъ ночью въ Тарутино и доложилъ дежурному адъютанту, что долженъ переговорить лично со свѣтлѣйшимъ. Адъютантъ зажегъ свѣчу и повелъ его въ избу, потому что по приказанію самого князя его всегда будили для важныхъ докладовъ. Да князю не спалось: онъ сидѣлъ на постелѣ, и лишь только увидалъ гонца, спросилъ:

„Ты отъ кого? Какія вѣсти привезъ?“ А тотъ говоритъ: „отъ генерала Дохтурова, ваша свѣтлость, привезъ извѣстія о Москвѣ.“

Князь крикнулъ: „такъ говори же, не томи душу!“

Доложилъ гонецъ, что молъ Наполеонъ оставилъ Москву. Князь не скоро отозвался; вдругъ онъ обернулся къ красному углу, перекрестился на иконы и промолвилъ: „Господи! дошли до Тебя наши молитвы,—Ты спасъ Россію!“ А слезы такъ и текутъ по его щекамъ.

Онъ тотчасъ смекнулъ, куда мѣтитъ Бонапартъ, и отправилъ назадъ гонца съ приказаніемъ генералу Дохтурову поспѣшать въ Малоарославецъ: „пустъ, молъ, онъ какъ можно скорѣй займетъ городъ, и я туда же подойду Наполеона встрѣчать.“

Поспѣшилъ Дохтуровъ исполнить приказаніе князя, а какъ ни торопился, подошелъ къ Малоарославцу вмѣстѣ съ французскими передовыми отрядами; Наполеонъ приказалъ имъ занять городъ и ждать его: они подступали съ одной стороны, а Дохтуровъ съ другой, встрѣтились лицомъ къ лицу и завязалась битва на самый день Смоленской и Калужской Божіей Матери *).

Самъ Наполеонъ былъ близехонько съ остальной своей арміей. Онъ и въ умѣ не держалъ, что его полки встрѣтятся съ нашими, и остановился въ открытомъ полѣ, да велѣлъ подать себѣ завтракъ. Вдругъ загудѣла пальба. Онъ себя не вспомнилъ, вскочилъ изъ за стола, бросился на лошадь и помчался къ Малоарославцу. Его войско поскакало за нимъ. Дохтуровъ со своими ребятами стояли молодецки, знали что князь спѣшитъ имъ на выручку, а Наполеонъ все надѣялся, что ихъ одолѣетъ. Какъ показался свѣтлѣйшій во главѣ своей арміи, наши совсѣмъ пріободрились. А Французы смекнули что если тутъ не осилить, то совсѣмъ пропадутъ ихъ головушки. Дрались съ обѣихъ сторонъ не на животъ, а на смерть, въ самыхъ улицахъ города дрались. На князя Кутузова сыпались градомъ пули, а онъ все стоялъ, все командовалъ, Наполеонъ же самъ заряжалъ пушки. Шестъ разъ Малоарославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Совсѣмъ разорили его бомбы

*) 12-го октября.

да ядры; дома и церкви загорались и рушились, а битва все не прекращалась. Къ вечеру, когда остались одни лишь развалины, князь приказалъ бить отбой и отступилъ версты за двѣ; а Наполеонъ вышелъ изъ города и остановился недалеко въ небольшомъ селѣ.

Онъ велѣлъ позвать своихъ генераловъ въ избушку, что ему отвели. Они пришли и видятъ, онъ сидитъ около стола и голову опустилъ на руки. „Ну, говорить, не посчастливилось намъ: Кутузовъ не допуститъ насъ до Калуги, надо теперь придумать другое“. Они стоятъ около него и все ждутъ, что жь онъ придумаетъ: постояли, постояли, да такъ и ушли—словечка отъ него не добились; совсѣмъ онъ, знать, растерялся. Оставался онъ съ арміей цѣлыя сутки на одномъ мѣстѣ, потомъ выѣхалъ въ поле, велѣлъ огня разложить, сѣлъ около костра и долго думалъ. Вдругъ отдалъ арміи приказъ переходить на смоленскую дорогу.

Должно быть дрогнули сердца его солдатшекъ, какъ услышали они этотъ приказъ; вѣдь знали, горемычные, что ожидаетъ ихъ на смоленской дорожкѣ, да еще на бѣду пришлось имъ выходить на Бородинское поле. Ужь 52 дня прошло послѣ битвы, а тутъ еще лежали человѣческіе и конскіе трупы. Наполеоновскіе воины шли мимо и понурили головы: страшно имъ было на это поле взглянуть. Вдругъ нѣсколько солдатъ остановились; увидали они что къ нимъ ползетъ въ ихъ же мундирѣ не то чловѣкъ, не то чловѣческій остовъ и что-то лепечетъ. Французъ сердечный остался тутъ, раненый послѣ сраженія, жилъ подъ открытымъ небомъ между мертвецовъ. Онъ съ солдатскихъ труповъ обиралъ сумки и питался сухарями что въ нихъ лежали, а помил его бородинскіе ручьи. Ужь Богъ знаетъ какъ обрадовался бѣднякъ, когда узналъ сво-

ихъ, да не въ добрый часъ они его повстрѣчали и захватили съ собой. Что ихъ ждало впереди? Всякія бѣдствія, да мученическая смерть.

Лишь только перешелъ Наполеонъ на смоленскую дорогу, князь Кутузовъ подѣлилъ свое войско на-трое: одна часть гнала непріятеля съ тыла, другая справа, третья слѣва, такъ что некуда было податься несчастнымъ, негдѣ отдохнуть, нечего перекусить. Объ эту пору дороги уже испортились отъ дождей, а французскія лошади совсѣмъ изнурились безъ корма, ни пушекъ, ни обозовъ не въ мочь имъ стало вывозить, и какъ они увязнуть въ грязи, коли не наши солдаты такъ партизаны все захватятъ. Пѣнныхъ тоже не сотнями, а тысячами мы забирали; самъ свѣтлѣйшій и начальники уговаривали нашихъ солдатъ, чтобъ они по-христіански съ ними обращались. Въ особенности былъ къ нимъ милосердъ генералъ Милорадовичъ; деньгами, запасами всѣхъ ихъ одѣлялъ: они бѣдняки, его знали и какъ проѣдетъ онъ бывало мимо ихъ, такъ прокрячатъ ему по своему „ура“. Разъ чтожъ случилось—вѣдь на каждомъ шагу были стычки: во время какого-то дѣла видитъ генералъ, что по полю битвы бѣгутъ двое дѣтей: мальчишъ лѣтъ семи, да дѣвочка пяти, держать они другъ дружку за руку, перепрыгиваютъ черезъ мертвыхъ и раненыхъ, то и дѣло скользятъ въ крови, а пули надъ ними такъ и свищутъ. Генералъ приказалъ своему адъютанту прибрать малютокъ; какъ кончилась битва, потребовалъ ихъ къ себѣ и сталъ допрашивать, откуда они. Что жъ оказалось? Отецъ ихъ Французъ давно ужъ проживалъ въ Москвѣ слесаремъ, сдуру присталъ къ Наполеону, взялъ съ собой дѣтей, когда наполеоновская армія собралась изъ Москвы уходить, да самъ и по-

палъ въ плѣнъ, а дѣти-то остались безъ всякаго призора. Милорадовичъ взялъ ихъ къ себѣ и возили ихъ за нимъ въ его коляскѣ. Разъ, на стоянкѣ, мальчикъ узналъ между плѣнными отца, такъ и вскрикнулъ бѣдный, а генераль взялъ и отца къ себѣ, чтобъ онъ былъ при дѣтяхъ.

— Экой добрый этотъ генераль Милорадовичъ, замѣтилъ Алеша.—А куда жь дѣвались послѣ всѣ плѣнные, Федосья Семеновна?

— Размѣстили ихъ по разнымъ городамъ, отозвалась старушка,—и правительство назначило для нихъ приличное содержаніе. Многіе изъ нашихъ, и господа, и купцы либо мѣщане зажиточные, просили позволенія брать ихъ къ себѣ. Какъ война-то кончилась, у которыхъ изъ этихъ плѣнныхъ семейства были богатая, высылали имъ деньги, чтобы возвратились они на родину, а которые остались у насъ, тѣ занимались ремесломъ и здѣсь вѣкъ свѣковали.⁴

XVII ВЕЧЕРЪ.

„Французамъ было плохо, да приходилось и нашимъ зачастую голодать. Князь Кутузовъ приказалъ, чтобъ армія находила по пути готовый провіантъ и его доставляли изъ окрестныхъ губерній; да по осеннимъ дорогамъ когда еще подвезутъ, а подвезутъ такъ окажется зачастую, что отъ дождей провизія попортилась. Опять же отдохнуть бы не мѣшало, да объ отдыхѣ и думать нечего.

Мелкимъ сраженіямъ счету не было, а подъ Вязь-

мой завязалась настоящая битва. Продолжалась она съ раннего утра до вечера между Милорадовичемъ и однимъ изъ наполеоновскихъ генераловъ, что шелъ въ арьергардѣ.

— Федосья Семеновна, перебилъ Алеша, — мы этого слова и не слыхивали, что такое арьергардъ?

— Такъ называютъ полки, что идутъ позади другихъ, отвѣчала Федосья Семеновна. — Милорадовичъ отрѣзалъ ихъ отъ остальной ихъ арміи, и пока она шла впередъ, онъ ихъ разбилъ въ пухъ и въ прахъ. Съ этого дня совсѣмъ пропали Французы: октябрь былъ уже въ исходѣ, и лишь они перешли за Вязьму, начались морозы и вьюги. Тутъ въ открытомъ полѣ только и спасенія, что шуба, а наполеоновскіе солдаты въ дырявыхъ мундирахъ да въ дырявыхъ сапогахъ, а которые и совсѣмъ босые. Подъ конецъ-то ихъ же генераль доносилъ Наполеону, что у насъ моля въ арміи четыре пятыхъ съ отмороженными руками, ногами либо лицомъ. Которымъ не въ мочь станетъ, лягутъ на землю, да ужъ и не встанутъ, такъ и засыплетъ ихъ снѣгъ. Когда бывало наши разложить костры на стоянкѣ, какой-нибудь горемычный Французъ, что по слабости отсталъ отъ своихъ, увидить издали огонекъ и приползетъ къ нему черезъ силу. Наши солдаты дадутъ ему хоть теплой воды хлебнуть, да размочатъ въ ней сухарей. Либо очнется бѣднякъ да останется пѣвиникомъ у нашихъ, либо ляжетъ поближе къ огню, да тутъ же и отдастъ Богу душу.

Три недѣли слишкомъ шли Французы отъ Москвы до Смоленска. Какъ стали они къ нему подходить, приключилась съ ними новая бѣда: Наполеоновъ пасынокъ командовалъ большимъ отрядомъ и сталъ его переправлять черезъ рѣку Вопь. Только спустились

Французы къ рѣкѣ, явился неожиданно-негаданно атаманъ Платовъ, и его казаки открыли по нихъ огонь. Некуда было податься бѣднымъ Французамъ: съ одной стороны неприятель, съ другой рѣка. Многіе въ нее бросались со страха, другіе погибали отъ нашихъ выстрѣловъ. Ужь вечерѣло, когда отошли казаки, а Французы такъ умаялись, что отказались идти дальше и пролежали всю ночь на снѣгу. Которые глодали лошадиное мясо, чтобы не умереть съ голода.

На другой день Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ; даромъ что его армія много поубавилась съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ изъ Москвы, а все же она на много верстъ тянулась и не вся была у него на глазахъ, такъ что онъ не зналъ на одномъ концѣ что дѣлается на другомъ, пока не получалъ донесенія отъ своихъ генераловъ. Въ Смоленскѣ и явились къ нему всѣ съ донесеніями: тотъ-то молъ отрядъ разбитъ, да столько-то человекъ потеряли пѣнными, да столько-то погибло отъ холода да голода, да столько-то отбито неприятелемъ пушекъ да знаменъ. Видитъ Бонапартъ, совсѣмъ дѣло-то плохо, да къ тому же думалъ онъ, что найдетъ въ Смоленскѣ запасъ на всю армію, а запаса-то хватило на одну только гвардію; остальные солдаты пробавлялисьдохлыми лошадьми, а впереди новья еще бѣда.

Помните, дѣтушки, сказывала я вамъ, что съ начала войны было у насъ четыре арміи, и надъ двумя изъ нихъ князь Кутузовъ принялъ команду какъ пріѣхалъ въ Царево-Займище, они-то все время и были въ дѣлѣ. Двѣ другія состояли тоже подъ начальствомъ князя, и онъ берегъ ихъ до поры до времени. Теперь же приказалъ онъ одной изъ нихъ стоять на всякій случай около нашей границы, не подалеку отъ тѣхъ мѣстъ

куда гналъ Наполеона, а другой онъ велѣлъ выходить на встрѣчу дорогимъ гостямъ. Этой арміей командовалъ генералъ Чичаговъ.

Наполеонъ провѣдалъ въ Смоленскѣ, что чичаговская армія уже подходитъ, а знаетъ что самъ свѣтлѣйшій его нагоняетъ. Раздумывать было некогда; простоялъ онъ всего три дня въ Смоленскѣ, да опять въ путь. Что жъ онъ со злости выдумалъ, злодѣй? Приказалъ взорвать пороховъ Смоленскъ, какъ хотѣлъ Москву взорвать, а въ городѣ-то было человекъ 700 нашихъ да тысячи двѣ своихъ раненыхъ онъ тутъ бросилъ, и всѣ-то они погибли! Какъ отошла французская армія, такъ раздались взрывы, и далеко потряслась земля. Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ на развалины города князь Кутузовъ со своею арміей. Какъ ни настрадались наши солдатки, какъ ни горько было имъ видѣть на родимой землѣ смерть да пустыню, а смотрѣли они бодро, потому что Господь благословилъ ихъ правое дѣло и избавлялъ отъ враговъ. Отъ Смоленска почти ничего не оставалось, а служили въ немъ благодарственный молебенъ русскіе воины и оставили тутъ икону Божіей Матери, что вывезли изъ горемычнаго города на самое Преображеніе. Знаете ли вы, дѣтущки, какое читаютъ Евангеліе, когда служатъ молебенъ Царицѣ небесной? Читаютъ какъ она посѣщала родственницу свою Елисавету, и когда священникъ промолвилъ: „пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы; и возвратися въ домъ свой“, многіе переглянулись: три мѣсяца передъ тѣмъ изо дня въ день была вывезена икона изъ Смоленска, и возвращалась теперь въ домъ свой.

Наши солдатки не отдохнули даже въ Смоленскѣ и пошли въ слѣдъ за Наполеономъ. Догнали они его

подъ городомъ Краснымъ, тутъ и завязалась битва. Она продолжалась цѣлыхъ три дня, вздохнуть немножко, и слышишь—опять загудѣли пушки, а ужь какъ совсѣмъ-то онѣ замолкли, наполеоновская армія была разорена въ пухъ и въ прахъ, однихъ плѣнныхъ намъ досталось 26 тысячъ, да пушекъ, да знаменъ безъ конца. На французскихъ знаменахъ орлы что на нашихъ, только наши обѣ двухъ головахъ, а у нихъ съ одной головой. Какъ провезли ихъ мимо свѣтлѣйшаго, онъ разсмѣялся и говоритъ: „вишь бѣдные носы повѣсили, видно имъ не весело.“

А Наполеонъ пошелъ дальше; онъ спѣшилъ къ рѣкѣ Березинѣ, пока чичаговская армія не преградила ему пути. На дорогѣ подоспѣлъ къ нему отрядъ, что онъ послалъ на питерскую дорогу, лишь только вступилъ въ Россію, и приказалъ ему пробиваться къ Питеру, потому что думалъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ хозяиномъ стать. Да покойный нашъ императоръ Александръ Павловичъ выслалъ противъ этого отряда своихъ генераловъ, и они разбили Французовъ. Вотъ теперь это самое разбитое войско подоспѣло къ Наполеону. Хоть и разбито оно было, да нужды не терпѣло и было въ порядкѣ; очень обрадовался Наполеонъ, что хоть немного свѣжей силы къ нему подошло, потому что остальная-то его армія совсѣмъ истощилась; подъ Краснымъ она потеряла почти всѣхъ лошадей, а бѣдные солдаты еле ноги передвигали. Добрались наконецъ до Березины.

Тутъ Чичаговъ со своей арміей поджидалъ бѣглецовъ. Кутузовъ приказалъ ему не допускать ихъ до переправы, и думалъ взять тутъ въ плѣнъ самого Наполеона, и даже примѣты его были записаны, чтобы каждый солдатъ изъ Чичаговской арміи могъ его при-

звать; отъ имени царя была обѣщана великая награда тому кто захватитъ нашего злодѣя, и захватить-то его было не трудно, да оплошалъ генералъ Чичаговъ. Ему бы слѣдовало разослать солдатъ по берегу Березины разузнать, гдѣ непріатели думаютъ переправляться, а онъ цѣлыхъ два дня сидѣлъ руки сложа, когда каждый часъ былъ дорогъ. Опять же Наполеонъ обошелъ его кругомъ; ужь онъ назначилъ себѣ мѣсто переправы въ деревнѣ Студянкѣ, и пока его солдаты строили тутъ мостъ, такъ какъ наступила оттепель, онъ отправилъ въ сторону отрядъ съ приказомъ распускать между нашими слухъ, что Наполеонъ молъ думаетъ переправиться совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и кого изъ русскихъ встрѣчали его солдаты такъ и говорили. Дошелъ этотъ слухъ до Чичагова, онъ ему и повѣрилъ, и въ домекъ не взялъ, что въ военное время всякій распускаетъ о себѣ небылицы, чтобы непріателя обмануть. Въ самую половину ноября Наполеонъ прибылъ къ Студянкѣ, а еще наканунѣ Чичаговъ отправился его отыскивать съ другой стороны.⁴

XVIII ВЕЧЕРЪ.

„Сказывала я вамъ вчера, дѣтушки, начала Федосья Семеновна, что наступила оттепель, когда Французы подошли къ Березинѣ: ледъ тронулся и Наполеонъ приказалъ навести два моста на рѣкѣ, благо берега-то лѣсные; живо нарубили лѣсу и принялись за дѣло. Самъ Наполеонъ ободрялъ солдатъ, сулилъ награды: просилъ чтобы не унывали. Они стояли между льди-

нами по поясъ въ водѣ и работали пока хватало силъ. Торопятся, бѣдные, не переводятъ духа, и вдругъ видятъ—на томъ берегу показался русскій отрядъ. Наполеонъ приказалъ зарядить 40 пушекъ и стрѣлять черезъ рѣку, чтобъ наши не мѣшали работамъ. Лишь только навели первый мостъ, пѣхота по немъ прошла, бросилась за нашими и вогнала ихъ въ лѣсъ, а тѣмъ временемъ Французы строили другой мостъ и плоты. Какъ все было готово, переправился и Наполеонъ со своей гвардіей.

Французскаго войска оставалось тысячь 40 слишкомъ, да обозъ,—и пробились они на Березинѣ двое сутокъ, не отдыхали ни днемъ ни ночью, и то не успѣли всего покончить. А на третьи-то сутки подошли наши съ обѣихъ сторонъ рѣки, и не битва завязалась, а адъ кромѣшный закипѣлъ: сыпались ядра по мостамъ и по плотамъ, которое ядро поразить людей, а которое попадетъ въ пороховой ящикъ, да взорветъ его, и разлетится во все стороны изувѣченныя тѣла. Лошади ржали, подымались на дыбы и топтали копытами людей; неприятели отъ давки падали съ моста, а иные сами бросались въ рѣку. Которые конные думали спастись вплавь, да очень ужъ сердечные истомились, и лошади тоже, а вода начала опять застывать, и какъ переплывутъ они сажень, другую между льдинъ, такъ выбьются совсѣмъ изъ силъ, окоченѣютъ отъ холода и останутся среди рѣки словно истуканы какіе. Иные отъ страха да отъ горя тутъ же въ разсудкѣ помутились. Великимъ испытаніемъ поразилъ ихъ Господь! Не больше четверти всего войска перебрались черезъ рѣку, а которые переправиться не успѣли, отдавались нашимъ въ плѣнъ. Многие тоже лежали на снѣгу, ни рукъ ни ногъ не дви-

гази, и ждали смерти либо вымаливали у нашихъ кусокъ хлѣба. Тутъ же были и женщины что провожали мужей въ походъ, всѣ въ лохмотьяхъ, блѣдныя, исхудалыя; и онѣ стонали и раненые стонали. Ужь такое было горе, что и не перескажешь. А остатокъ французскаго обоза попался цѣликомъ въ наши руки: не пошло имъ въ прокъ награбленное добро.

Себя не вспомнилъ князь Кутузовъ, когда узналъ что Чичаговъ Наполеона изъ рукъ упустилъ. Да дѣлать нечего было, не помимо говорится: „близокъ локоть, да не укусишь.“ Пустилась опять наша армія за бѣглецами. Они же видѣли, что спасенія имъ нѣтъ, и все истребляли на дорогѣ: деревни ли, мосты ли, чтобы какъ-нибудь Русскихъ-то задержать, да успѣть отъ нихъ уйти. Жутко и нашимъ тогда пришлось, сами голодали и лошадей кормили одной соломой, да морозъ такъ и трещить. А Французы-то бѣдные, которые отъ своихъ отставали, тѣхъ ужь бабы брали въ плѣнъ. Наполеонъ все боялся какъ бы ему не попасться къ намъ въ руки; досталъ онъ на пути у какого-то помѣщика карету и сани, бросилъ своихъ да и ускакалъ самъ-пятъ восвояси. А какъ остатки его войска подошли къ нашей границѣ, оказалось ихъ всего полторы тысячи человекъ. Да тутъ подоспѣли къ нимъ послѣдніе отряды, что онъ разсылалъ по разнымъ мѣстамъ, когда къ намъ пришелъ; эти-то уцѣлѣли: было ихъ тысячъ до семидесяти.

Обрадовалъ насъ Господь на великій праздникъ Рождества. Въ этотъ самый день, дѣтушки, вышелъ царскій манифестъ, сказано было въ немъ, что ни одного врага не осталось уже въ Россіи, и съ тѣхъ поръ служить объ Рождествѣ благодарственный молебенъ, и

поминають царя нашего Александра I и всѣхъ воиновъ, что сложили въ то время головы за Россію.

Старушка остановилась.

— Что жь, Федосья Семеновна, тѣмъ все дѣло и кончилось? спросилъ чей-то голосъ.

— Нѣтъ, еще до конца-то далеко, возразила она.— Всѣ союзники Наполеона пристали къ намъ, и не успѣли вздохнуть наши войска, когда объявилъ царь походъ на Францію. Всѣми союзными арміями командовалъ князь Кутузовъ, да положилъ онъ на службу родины послѣднія силы, занемогъ въ походѣ и скончался. Привезли его тѣло въ Питеръ и схоронили въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ онъ служилъ молебень, когда царь послалъ его на Наполеона. Встрѣтили его версты двѣ за заставой, народъ отложилъ лошадей отъ колесницы и привезъ на себѣ князя до собора. Опустили тѣло его въ землю изо дня въ день какъ минулъ годъ, что Наполеонъ вступилъ въ Россію *). И стоятъ до сихъ поръ надъ его гробницей французскія знамена.

— То-то, я чай, плакали объ свѣтлѣйшемъ, крикнулъ Алеша.—А кто же послѣ него войсками-то командовалъ, Федосья Семеновна?

Какой-то нѣмецкій принцъ. И пошли прямо на французскую столицу, называется она: Парижъ. Наполеонъ успѣлъ уже собрать новую армію и вступилъ опять въ борьбу съ нами; да не посчастливилось ему. Союзники разбивали его войска. Какъ стали подходить къ Парижу, наши солдатики говорили: „Здорово, батюшка Парижъ, поцлатишься ты за матушку Москву.“ Однако ни разоренія, ни горя не видали отъ насъ

*) Наполеонъ вступилъ въ Россію 13 іюня 1812 года. Князя Кутузова въ слѣдующемъ году хоронили 13 іюня 1813 года.

Французы. Ужь имъ самимъ стало плохо отъ Наполеона, и лишь немногіе за него стояли. Союзники посадили на французскій престолъ законнаго короля, а Наполеона сослали на островъ, дали приличное содержаніе и позволили полкъ при себѣ держать для потѣхи, потому онъ военное дѣло любилъ. Пробылъ онъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ убѣжалъ тайкомъ и явился назадъ во Францію. Его сподручники признали его опять императоромъ. Тогда еще не успѣли распустить по мѣстамъ союзныя войска, да подоспѣли къ нимъ еще Англичане. Тутъ ужь совсѣмъ доканалы силы Наполеона и сослали его за тридевять земель, на знойный островъ, что лежитъ въ океанѣ морѣ. Тамъ онъ и умеръ.

Ну, дѣтки, вы знаете теперь какъ ваши дѣды ложились костью за Россію, помните же ихъ, и не посрамите ихъ праха, если пошлетъ на насъ опять Господь вражью силу. Не пожалѣйте горячей крови за землю родную, чтобъ и васъ помянули добрымъ словомъ внуки.
